

Владимир Бочарников

ВРЕМЯ ОХОТЫ

Москва, 2016

Издатель Маркотин
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б86

Бочарников В. Н.

Б86   Время охоты / В. Н. Бочарников. — М. : Издатель
Мархотин П. Ю., 2016. — 200 с. : илл.

ISBN 978-5-00038-267-7

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00038-267-7

© Бочарников В.Н., 2016
© Помыткина О. Г., Сурначева А.Д.,
иллюстрации, 2016

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Эта книга написана на основе личных впечатлений в период работы автора охотоведом-промысловиком, дополнена записями экспедиций и материалами его полевых работ. В рассказах и очерках речь идет об известных автору людях. При описании событий излагается точка зрения автора. Авторские материалы учитывают мнения многих уважаемых людей, частично были дополнены и отредактированы по их рекомендациям.

События, которым посвящена эта книга, происходили в последние 45 лет. Из них 33 года в Приморском крае, и автор имел к ним непосредственное отношение. Эту книгу автор затрудняется отнести к какому-либо определенному жанру, хотя может заверить, что стремился избежать грубых ошибок при изложении многих сведений с научной точки зрения. Академический стиль контролировался научным редактором.

В тексте были сохранены эмоциональные оценки и переживания автора, иллюстрации были подготовлены специально для этих рассказов художницами, живущими за пределами Приморского края. Все материалы, приведенные в этой книге, ранее публиковались на страницах природоохранных и охотничьих журналов, но были переработаны заново при подготовке рукописи.

Рукопись книги в различных версиях была размещена на авторских страничках социальных сетей в Интернет, доступна для просмотра на сайте официального места работы автора. О ней были также опубликованы рецензии в региональных СМИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из английских авторов викторианской эпохи, Самюэль Батлер, много путешествовавший в своей непростой жизни, как-то сказал: «Природа — как фокусник: за ней нужен глаз да глаз». Именно таким «взглядом изнутри» является книга, представленная вниманию уважаемого читателя.

Этот рассказ от первого лица биолога-охотоведа, профессора Владимира Николаевича Бочарникова умело накладывается на слепок экономико-социальной обстановки, сложившейся на рубеже веков и тысячелетий в отдаленной окраине России, в Приморском крае. Когда революционно резко и безжалостно ломались прежние стереотипы, жизненные уклады и, в некоторых случаях, само природное равновесие, не выдерживающее натиска совместных атак глобальных климатических изменений и «глобальных» же стяжателей. Последние сноровисто бросились выполнять коммерческие заказы: на лес твердых пород, «струю» кабарги, мясо, кости, шкуры и лапы лесных обитателей.

Наш мир тайги, традиционной охоты и прежних романтических представлений о жизни в горах в согласии с самим собой и природой, начинает меняться. Свидетелями этих перемен, сами того не желая, тогдашние выпускники крошечного (в 50 студентов-заочников) отделения охотоведения ВСХИЗО в г. Балашихе Московской области вместе с будущим профессором стали еще в 1983 году.

На этом отделении были собраны люди со всей страны, за исключением, пожалуй, среднеазиатских республик и Кавказа, молодежь которых уже тогда склонялась, в массе своей, к профессиям более денежным и «уважаемым»: торговых работников, правоохранителей, деятелей лесного хозяйства, коммерции и политики.

Все охотоведение России, чьи необозримые территории – охотничьи угодья, которые простираются на одну шестую часть суши, было сосредоточено тогда всего в трех ВУЗах страны, расположенных в Балашихе под Москвой, в Кирове и в Иркутске.

На эти небольшие отделения и факультеты было сложно поступить, но сам процесс обучения окупал с лихвой все усилия. Обычно здесь не было бессмысленной, нудной зубрежки, столь характерной для стандартов нашего образования, а было много живых рассказов опытных преподавателей и практических работ.

Мы учились весело, не бегали от занятий и много размышляли на вечерних прогулках в старом дворянском парке о том, как прекрасно было бы после окончания института попасть в заповедник или отдаленное охотничье хозяйство Сибири, где будешь душа в душу жить с лесными обитателями, добрыми и, несомненно, мудрыми таежниками (как Дерсу Узала) и все понимающими начальниками.

На практике чаще получалось не совсем так. «Мудрые, все понимающие начальники», сплошь и рядом оказывались случайными людьми (бывшими руководящими работниками других отраслей, проштрафившимися

на ответственной должности), занесенными в тайгу «на кормление» после какого-нибудь «косяка».

Значительная часть таежных жителей была склонна к стяжательству, запойному пьянству. Они часто не понимали вновь прибывшего охотоведа, которого в силу его молодости и образования обычно загружают работой по заполнению тонн бумажного и бессмысленного мусора.

Один из современных молодых охотоведов написал по этому поводу следующие строки.

*Ознобом равнодушия простужен,
измотан непомерностью рутины,
в слезах до дыр застиранную душу
изнанкою распял на вешалах:
там, где никто и никому не нужен
в безликости всемирной паутины.
На суд бесстрастных безответных глаз...*

Убогость быта таежной глубинки не добавляет красок внезапно открывшейся реальности. Молодому восторженному таежнику-неофиту последний удар обычно наносят девушки. В массе своей не выпускающие из прокуренных, желтых зубов сигарет и употребляющие наравне с мужиками крепкие слова и напитки, они еще менее склонны к романтике.

Только тайга и охота не обманывают тебя, даже если нет обильной добычи, как представляется со стороны, даже когда не окупаешь затрат. Заряд энергии, который получаешь в тайге, горах, на охоте, или просто на пе-

ших маршрутах, вселяет в тебя новые надежды, и ты понимаешь, что все еще впереди. Возможно, это связано с освобождением от мутной волны ежедневной текучки, к которой некоторые люди не приспособлены, как не может жить хариус в грязной стоячей воде равнин.

В мире гор и тайги Владимира Бочарникова не устаешь изумляться обрывистости и изломам красоты отрогов Сихотэ-Алиня. Здесь всегда есть жизнь ...

«Чуть присмотревшись, видишь, как в прогальчике между скальниками мелькнет даже издали заметными «черными на рыжем» пятнышками фигурка. Опытный взгляд зверобоя тут же поймет, что морской капустой у бережка лакомятся пятнистые олени...».

Книга содержит много описаний охот и повадок животных Приморья, которые будут интересны читателю. На страницах книги фигурирует широко известные охотникам и любителям природы соболь, тигр, кабан и менее знакомая крупная дальневосточная куница - харза.

Люди в рассказах автора заняты своей повседневной жизнью: на охоте, рыбалке и сборе дикорастущих растений. Эта жизнь отлична от городского быта, тесно увязанного с магазинами и необходимостью присутствовать на работе в урочное время, в поликлиниках во время болезней и т.д.

Герои книги кормятся природными дарами, лечатся ее плодами и радуются ее милостям: хорошей погоде, крупному хариусу, вытащенному из чистых вод таежной реки. Увидевший в сплетении лесного высокотравья красные ягоды бесценного женьшеня корневище кричит

«Панцуй!», стараясь не спугнуть милостивого хозяина тайги, пославшего ему этот дар.

В другой жизни тоже что-то происходит и меняется. Создаются фонды по охране редких видов. Устраиваются новые особо охраняемые природные территории. Твои друзья романтики покидают свои затерянные глубинки и уезжают в города. Кто-то находит единомышленников в институтах, но все равно возвращается временами в тайгу. Кто-то меняет профессию и старается приспособиться в современном мире. Многие выезжают на дорогостоящие охоты в цивилизованные хозяйства, платят бешеные деньги, вооружены высококлассным оружием и техникой, но... Судьба многих, увы, печальна.

Исследователь природы Дальнего Востока Владимир Бочарников нашел себя и в уссурийской тайге среди тигров, медведей, в зарослях аралии, элеутерококка, и в науке.

Известный биолог, специалист в сфере охотничьей орнитологии, живет и работает в Тихоокеанском институте географии Российской Академии Наук во Владивостоке.

Эта книга – не первое его популярное издание. Мы от всей души желаем ему успехов на этом поприще и еще много километров таежных дорог.

Петр Баранов, биолог – охотовед из Сибири, выпускник отделения охоты ВСХИЗО.

*Советским охотоведам,
моей «родне по юности»,
друзьям и коллегам-биологам
посвящается эта книга*

ПУТЬ НА ВОСТОК

Я неспешно разобрал завалы старых бумаг в своем уютном давно не ремонтировавшемся рабочем кабинете в институте. Неловкое движение, и из пыльной груды вывалился старый журнал.

В неярком дневном свете... с серо-черно-грязноватой бумажной страницы размыто-невнятно и грозно-насупленно взглянул, косовато прищурился маленькими глазками кабан-секач.

Невольно я перевел взгляд повыше. На слегка выцветшей блекло-матовой обложке журнала слабо краснели большие буквы – ОХОТА.

Чуть ниже заметно меньшим кеглем пространно чернилась курсивная строчка – охотничье хозяйство.

Фирменно-черный квадратик с выпукло обозначенной белой цифрой 7... На уголке белой оторочки верха мой взгляд зафиксировался на дате – 1 9 7 3.

В памяти всплыло событие более чем сорокалетней давности...

Это была моя первая почти взрослая поездка. Северный Кавказ, Адыгея, август 1973 года. Кухонный стол в доме лесника в маленьком леспромхозовском поселке... На бело-голубой в цветочек клееночке рядом с блюдцем меда

лежит свежий номер незнакомого мне ранее журнала «ОХОТА и охотничье хозяйство».

Самый популярный охотничий журнал советского периода был основан в 1955 году, первый номер его вышел в октябре.

Сама идея его издания не была оригинальной. И в тот период и ранее в России уже выпускались охотничьи журналы. Но ко мне именно со страниц этого издания шагнуло простое и очень емкое слово ОХОТОВЕД.

Это слово-понятие отсутствует за рубежом, оно уникально ... Разный менталитет и культура не позволяют еще пока глобаризирующемуся миру найти единое определение этого понятия.

Там специалист, имеющий как научные, так и практические знания в области организации охоты, в Америке – менеджер; в Англии – хранитель «господской» дичи; из Германии к нам прикочевало слово егерь.

Охотовед! Это слово советской чеканки, и хотя сейчас оно не перестает всплывать на страницах специальных изданий, еще произносится на совещаниях и семинарах, существует в номенклатуре специальностей, но понятийный стержень, суть, то, что было ранее и интуитивно понятным, уже очевидно, уже безвозвратно утеряно вместе с эпохой исчезнувшего СССР.

Студенческая пора - всегда особая пора, и много можно сказать об этом чудном времени. Как происходит запечатление родителя у только что рожденных птенцов, так, мне кажется, осознание, примеривание на себя

лихого образа охотоведа происходило в нашей среде специально.

Позже я увидел некую аналогию охотоведческого становления с подготовкой в медицинских институтах докторов. Чтобы стать врачом, «лицом помогающей профессии», нужно пройти жесткую «дрессуру».

Как и в армейке, создаются такие условия для только что поступивших студентов, чтобы они начали примерять «новое платье» на себя, то, где незримо красуется шеврон народного звания «доктор». И достаточно быстро народ вживается в среду, принимает не только парадный «прикид», но и изнанку уже носимого платья.

Глянец слова-понятия «охотовед» воспринимался в основном аудиально, «грел уши». Принадлежность к словию в наибольшей степени закреплялось за скудным обычно на закуску, но обильным на выпивку тем незримым «общим для всех» столом, который могли поддерживать достойно только в нескольких ВУЗах необъятной России.

Это знание пришло ко мне много позже, а «в реале» в 1977 г. я поступил во Всесоюзный сельскохозяйственный ордена Знака Почета институт заочного обучения...

ВСХИЗО. Это был великолепный ВУЗ, с его традициями биологов-охотоведов, теми, что в свою очередь были унаследованы еще с дореволюционных времен. Традициями дышали сами учебные корпуса, здание деканата...

Корпуса нашей alma mater располагались в старинных строениях графского поместья в подмосковном городе Балашиха Московской области.

Здесь я начал увлеченно учиться, пришлось и немало выпить, чтобы достаточно легко закончить вуз и получить синенький диплом в январе 1983 г.

У нас бытовала интроективная поговорка для процесса обучения, венцом которого должен быть квалификационный документ: «Лучше с красной мордой и синим дипломом, чем наоборот».

Впрочем, о многих традициях и привычках в охотоведческой среде, специфике и поколениях различных вузов, о неформальном и сокровенном интересно и разнообразно написано моими старшими кировскими, московскими и иркутскими коллегами-охотоведами.

Ближе к концу обучения я стал задумываться о смене места жительства и рабочего места. Когда поступал, я не задумывался, почему меня, сельского паренька из калмыцко-астраханской полупустыни, потянуло к этой профессии.

И лишь через много лет я узнал, что мой прадед еще в позапрошлом столетии занимался промыслом зайцев и куропаток, а летом сторожил общественные сады, ловил карасей, кочевал в телеге, устроенной с некоторым комфортом, и выглядевшей наподобие цыганской кибитки...

А может, истинным побудительным мотивом, стремлением к «веданию охотой» стал опыт моих прежних жизней: я ведь в неведомые эпохи и времена был много-

кратно воином и рыцарем, хотя миссионерство и просветительство также было мне не чуждо. А ведь от войны до охоты – всегда один шаг, и принципиальный вопрос всегда один – кто сейчас – охотник, а кто – дичь, на которую охотятся?

Но вернусь к тому что, вычитывая, или даже скорее вычисляя из скупых строк страниц любимого журнала местоположение сибирских, северных и дальневосточных промысловых хозяйств, я сочинял письма и рассылал их в десятки адресов, и в этом процессе был весьма схож с хрестоматийным Ванькой Жуковым, который, как явствует из литературной классики, писал «на деревню дедушке».

Пытаясь списаться с руководством промысловых охотничьих хозяйств, существующих в невообразимой дали от Астрахани, в которой тогда обитал, я сожалел о приснопамятных временах.

Ведь раньше наш самый именитый, знаменитый пушно-меховой институт «ковал» биологов-охотоведов настоящих. С востребованной обществом закалкой и умениями, воспитывал, обучал их и напутствовал «на подвиги».

Охотоведы были своего рода «биологическим спецназом», способным выживать в любых условиях, и были нацелены на особо государственную задачу – добычу «мягкого золота» для молодой страны Советов.

А вот к нашему времени все стало проще, к сожалению, и куда как менее героично. Хотя пара моих однокурсников, вполне обыденно для своих мест «охотнадзирали» над бескрайними просторами Колымы,

Еще один из наших, и третий из тех, кто имел «организационно-промысловые» навыки, уже имел хороший опыт работы в качестве начальника промыслового участка госпромхоза, Петр до института обретался в «горах Сохондо» в ветреном и суровом Забайкалье. Еще с нами учился статный парень-охотовед из тогдашней автономной республики Горный Алтай....

Четвертого таежника в юности и опытного министерского чиновника к настоящему времени Сергея Коцюбинского я сменил через пять лет на должности начальника участка уже здесь в Приморье.

Удивительные сюжеты иногда подбрасывает жизнь. Сергеевы рассказы про его житье в таежной глубинке я впитывал как губка на первом курсе института, а после окончания, без всякого специального намерения, оказался именно на его месте, столь возжеленном мной пятью годами ранее.

Ну, большая часть нашей охотоведческой братии была из европейской части России, с Украины и Белоруссии, Молдавии, Северного Кавказа, и, собственно, желающих двигаться в непонятные сибирские дали не находилось.

Симптоматичным видится то, что «по seriously» про те легендарные для меня сибирские места, куда я мечтал добраться и где хотел поработать, в моем окружении собственно спросить было некого.

Интернета тогда не «наблюдалось», грамотных справочников и энциклопедий было немного, оставалось находить немногие такого рода книги у себя на родине,

тщательно рассматривать топокарты миллионного масштаба и решать в голове бесчисленные ребусы при решении вполне конкретных вопросов: «Где может находиться центральная усадьба того или иного промхоза?»

Мной была написана «сотня» безответных писем почти во все райцентры за Урал с просьбой взять на работу вновь испеченного охотоведа. Месяца за четыре я дождался целых три ответа-предложения. В одном из этих писем, как сейчас помню, оно было написано на четвертинке старенького тетрадного листка, звало прямо, без изысков: «приезжай к нам работать охотоведом» в Кабанский промхоз.

Меня, даже не имевшего к тому времени никакого опыта, немало удивило это письмо. Звать «свежего», без опыта производственной работы, новоиспеченного выпускника работать в Сибирь.

Да еще в устье Селенги, где до Иркутска рукой подать, там вообще-то иркутских ребят охотоведов найти можно было без больших проблем... Так и осталось это письмо загадкой, хотя помню точно, было написано начальником участка, и работать меня звали заготовителем.

Иное дело – письма с Дальнего Востока. Оба, написанные на настоящих больших листах, независимо друг от друга, звали приехать и поработать в Приморье. В одном письме предлагали заступить на весьма «хлебную» в те времена должность пчеловода-охотоведа в Приморский трест коопзверопромхозов и работать в «центральной конторе» во славном городе Владивостоке.

Замечу, очень любили и умели жить с комфортом «торгаши» в любое время. Советское не было исключением. Хотя охотничье хозяйство в кооперации не занимало престижного места, показательно то, что молодому специалисту сразу обещали перво-наперво дать комнатку (как молодому специалисту), понятно намекая, что в принципе, жизнь его ожидает «неголодная».

Ведь что такое была кооперация тогда? Мечта комбинатора. Отправляешь заготовленный соленый папоротник бочками в Японию, а в ответ тебе японцы со всем уважением шлют сказочный дефицит советского периода – рубашки-батники, джинсы, модные платяшки-марлевки и пр.

Блат и распределение материальных богатств хоть краем, но все же касалась и охотоведов. Можно было приодеться, кушать вкусно, с уважаемыми и небедными людьми общаться.

Кстати, уже в период перестройки ребята, которые работали в Тресте коопзверопромхозов, стали вполне успешными бизнес-деятелями, позже стали открывать частные охотничьи магазины, организовывать свои каналы закупок и реализации таежной продукции, создавали крупные пчеловодческие товарищества, сельскохозяйственные артели и т.п.

К слову, в Астраханском заповеднике я регулярно, без задержек, получал 72 руб. 50 коп, стабильную свою зарплату старшего лаборанта. Но килограмм жареной кильки стоил 10 коп; 16 коп – буханка ржаного хлеба; 20 коп. - килограмм спелых сладких астраханских помидо-

ров. С голоду и с такой зарплатой можно было не бояться помереть!

Выбрал я все же третье и последнее предложение. Это казавшаяся сказочным местечко начальника промышленного участка в глуши Ольгинского района, более чем в 500 км от соблазнов города Владивостока. И обещали мне служебный домик на берегу Японского моря, в пограничной зоне, в селении под названием Веселый Яр.

Пишу эти строки и ухмыляюсь: вот ведь как распорядилась привольно-чудно моя судьба, хотя я всерьез думал долгое время, что я так сам выбирал: «и как хотел, так и получилось». Но чем больше убеждаюсь, что наивно и смешно полагать, что мы творим свою судьбу...

Мы лишь слепцы в своих телесных оболочках, каждый раз следуем по своему жизненному пути с опаской и «без фонаря», думаем, гадаем, мучаемся и выбираем. А ведь все про нас уже определено и прописано в информационном поле планеты, например в «Хрониках Акаши». Стань только зрячим и обрети способность нужное «прочитать»!

Но о проблеме формирования пространства я тогда не задумывался, доверился лучшему и единственному в то время крупному авиаперевозчику, и вот уже благополучно забытый к настоящему времени, а тогда стремительный, всем советским людям известный, на этикетке болгарских сигарет навечно запечатленный, авиалайнер ТУ-104 несет меня на Восток.

Соседка – солидная дама, как мне тогда казалось, не очень молодая жена моряка, рассказывает мне о чудесах Приморья. И ведь, правда, было что послушать...

Что ни слово, то слышалось моему уху - экзотика. Пробивающаяся даже в названиях местных ресторанов, речек и поселков добавлялась к вычитанному и воображаемому миру зверей, птиц, деревьев.

Я млею и таяю, мне слышалось что-то удивительное, почти сказочное. Впрочем, узнав, куда я держу свой курс: «В Ольгинский район, да вы, что!!!», - не на шутку всполошилась соседка. «Зачем туда ехать, молодому образованному человеку, закончившему ВУЗ в Москве.

Это же глушь несусветная, полтысячи километров на север от Владивостока. Всего пара тысяч человек живет на территории района размером в Швейцарию». И продолжила с жаром: «Там даже купаться негде, бухты открытые, и вода холодная».

Вдохнула: «Ну, если уж хочется вам экзотики, идите в моря, и приоденетесь, и деньги заработаете, и свет белый повидаете».

Не внял, не послушал, мыслями и желаниями я уже был «там». Стремился «всеми фибрами» в удивительную, незнакомую, легендарную уссурийскую тайгу!

Во Владивостоке я не стал задерживаться, быстро разобрался, как и на чем выбраться из города. Взял билет на местный «чугуевский» поезд и был таков. Общий вагон, ночь в пути.

От железнодорожной станции Ново-Чугуевка еще два небольших (примерно по 100 км) перегона на рейсо-

вых «пазиках». И вот я на месте. Невероятной, непередаваемой чистоты морской летний воздух. Приморский поселочек Ольга с россыпью неказистых домов на берегу одноименной бухты. Ранее безымянная для путешественников бухта была названа первооткрывателями в честь Святой Ольги.

Бросив в чуланчике автостанции потерянный набитый домашним небогатым скарбом рюкзак, прикрыл им и курткой свое верное двухствольное ружье в чехле, взгромоздил сверху пару сумок, и двинулся разыскивать контору своего госпромхоза.

Через 15 минут неспешного хода я уже появился на деревянном крылечке государственного промыслового хозяйства «Ольгинский». Новый отсчет моей жизненной истории пошел у меня с этого момента.

Что представлял собой госпромхоз или государственное промысловое охотничье хозяйство в то время? И каковы были тогда мои рабочие функции?

Кое-кто еще легко может вспомнить, что в Советском Союзе была государственная, общественная и кооперативная форма собственности. Официально, все это были разные формы «народной собственности».

Главное, здесь стоило правильно воспринимать, что первый и третий формат общественного труда позволял организовывать, создавать, развивать крупные специализированные предприятия.

Комплексные предприятия были практическим воплощением идей советских экономико-географов. На обширных просторах Сибири и Дальнего Востока они со-

здавались в сфере охотничьего хозяйства (все виды деятельности), для заготовки недревесных ресурсов леса (все то, чем можно было питать и лечить народ), и побочных, сопутствующих видов деятельности. К примеру, свиноводства, кролиководства, звероводства и т.д.

Основная задача этих специализированных хозяйств состояла в сборе и передаче государству всевозможных даров природы. Сами хозяйства были настолько успешны, насколько это возможно было в рамках плановой советской экономики.

Ольгинский промхоз действовал в глубине Приморского края, в самом «сердце» уссурийском тайги, в малонаселенном районе с удивительным природным сочетанием горных, лесных и прибрежно-морских ландшафтов.

А это значит, что на этом производстве была обязательна заготовка пушнины, мяса копытных, пернатой дичи, папоротника, кедрового ореха, меда, леса, рыбы (там, где она была в промысловых объемах).

Не нужно думать, что это, как сейчас, делалось в «стихии рынка». Никакой стихийности в этом процессе не было, все нужное для руководства на бумаге имелось – госстандарты, преysкуранты, инструкции, памятки.

Кстати, эти знания были весьма полезны: меньше шансов, что примешь некондиционную продукцию, реализация которой будет потом «головной болью». Глупость и лень наказывалась рублем.

Обычный рабочий день начинался с планерки, рутинного составления и раздачи наряд-заданий своему

«штату», продолжался решением производственных вопросов, был и «прием граждан». Вполне естественно входили в ежедневные мои обязанности начальника промыслового участка госпромхоза также весьма нетривиальные способы реализации «собственной продукции на месте».

Такую продукцию составляла замороженная дичь, грибы, мед, поросята, брус и многое другое. Владивостокский ресторан «Лесная заимка» и кооперативный магазин «Дары тайги» полностью обеспечивались такой продукцией из глубинки.

Карьера делалась быстро. Начальником участка я стал через четыре месяца после приезда в Приморье. До этого, по простым, но обычному мозгу непонятым бюрократическим схемам найма я успел побыть промысловым рабочим, заготовителем, охотоведом и, наконец, и. о. начальника промыслового участка.

Карьерный путь, пройденный за четыре месяца ныне весьма впечатляет, учитывая, что в своем институте, в Российской Академии наук я уже более пятнадцати лет нахожусь в одной и той же должности.

В ней, наверное, дослужу и до пенсии, если институт сохранится, а штат его не будет сокращен и устоит под неистовым напором нынешних реформаторов от образования и науки.

Честно говоря, по прошествии более тридцати лет, я достаточно скромно оцениваю свои практические умения и производственные достижения того времени. Да и неудивительно: все пришлось осваивать «на лету».

Помимо многих новых для меня непростых охотоведческих дел, мой участок госпромхоза должен был обеспечивать жителей небольшой затерянной в тайге деревни Щербаковка дровами, пиломатериалами, электричеством, а также рассадой для городов, иногда комбикормами, мукой, поросятами, техникой и т.п.

В деревне, кроме госпромхоза, через дорогу от него, находилось второе «градообразующее предприятие» - дорожно-строительный участок, отвечающий за состояние дороги; был сельсовет, депутатом которого я почти автоматически стал.

Были почта и небольшой кооперативный магазинчик. Медобслуживание вполне успешно обеспечивала старенький фельдшер. Культуру в массы «нес» сельский клуб, имеющий в своем составе библиотеку из пары сотен потрепанных книг.

На моем участке работали две пилорамы, и с помощью нашего бруса, досок и объемных отходов – опилок и горбыля, строилась вся деревня, а дорожники вели свои нескончаемые работы по неизбежному ремонту.

Полотно дороги, мосты, редкие, но необходимые «к выставлению» дорожные знаки, - все комплектовалось из нашего пиломатериала. Более того, мы еще снабжали связистов лиственничными столбами для опор телефонной линии.

Кроме того, мы содержали свинофермы, по разряду сверху заготавливали сено, высаживали картофель, распахивали поля, но чаще, конечно, по-соседски до-

говаривались с соседними совхозами об обмене своего леса на их зерно для отчетности перед райкомом партии.

Тогда уже стали появляться первые ростки предпринимательства. По официальной договоренности с директором промхоза, приморские корейцы арендовали на нашей территории поля, которые они должны были засеивать и убирать сами, а урожаем делиться с промхозом.

Корейцы за спирт легко наняли в ближайшем совхозе нужное число тракторов и прочей сельскохозяйственной техники, арендовали их вместе с «душами» их обслуживающих для подготовки полей.

В два дня освободили, распахали от многолетнего бурьяна наши заброшенные поля, высадили, кропотливо все лето ухаживали специально нанятые «северокорейские» люди, а осенью арендаторы убрали с большой прибылью гаолян. Из него вяжут веники, а обычные домашние веники всем и всегда были нужны.

Госпромхоз имел и должен был неуклонно выполнять план, каждый месяц, квартал, год, пятилетку мы были обязаны отчитаться что сделали, заготовили, переработали.

В охотничьем хозяйстве, по плану, мы должны были делать многое: высаживать овес, заготавливать березовые и дубовые веники, собирать, сушить и хранить шиповник и чистотел, а также быть готовыми к подкормке диких животных в суровое зимнее время...

Начальник участка был обязан также следить за состоянием лесовозных дорог в тайге, давать задания штатным рабочим на обустройство их промысловых

участков, строить охотничьи зимовья, проверять их и, в зависимости от сезона, организовывать заготовку березового сока, папоротника, грибов, меда, лекарственных растений.

В моем плане были разрядки на заготовку «лектехсырья», что предполагало заготовку корней и листьев элеутерококка, корней аралии, папоротника, и многое другое.

Насколько я сейчас понимаю, никто на практике не был способен выполнить план полностью, даже если очень этого хотел, но «втыки» мы получали регулярно, по цепочке от вышестоящих к нижестоящим...

Все хлопотные и обязательные хозяйственные дела очень утомляли меня. Было не до научных исследований. Не было времени аккуратно записывать, что я наблюдал, где, когда и какие происходили события и явления в природе.

Эти навыки я успел приобрести в Астраханском заповеднике, но за суетой хозяйственных дел отдаваться любимым охотоведческим занятиям оставалось все меньше возможностей.

К тому времени для любой охоты и промысла пушнины у меня был немалый по площади горно-лесной участок на территории большого таежного ключа Ладзыга.

Неудивительно, что при любой возникающей «паузе» я стремился улизнуть и побыть побольше в тайге. Там мне не пришлось самому строить зимовье, была «полюбовная» договоренность, что один из моих штатных

охотников выделит для «начальника» промысловую делянку.

Хорошие тогда были времена, когда уссурийская тайга была той, о какой можно прочитать в книгах В.К. Арсеньева. Я стремился быть в тайге как можно чаще, старался глубже постигать ее. Когда светового дня не хватало, я оставался ночевать. Как минимум пару ночей в неделю я коротал в этой ставшей мне своей уютной избушке.

Но и в деревне тайга была за порогом. Как и в начале прошлого века, тигры запросто приходили в мою деревню Щербаковку.

После кино, темными зимними ночами я провожал домой не только симпатичную мне барышню, но и небольшую стайку ее деревенских подруг. А на свидание с деревенской красавицей и в сельский клуб я ходил с армейским карабином на плече...

Наш промхозовский движок в деревне позволял давать свет крайне ограниченно - час утром, три - вечером. А так - фонари «летучая мышь» да керосиновые лампы, заправленные соляжкой. Зима была настоящим царством сумерек.

Да, что там ночью. Опасаться появления непрошенных гостей стоило и днем. Помню, как в летний полдень, проезжая по «краевой трассе» со своим приятелем-сельским врачом на его служебной санитарке, заметили громадного тигра.

«Тигра» (как кличут местные), тихо сидел себе рядом с мостом через обычно тихую речушку. Вот тогда я на всю жизнь выучил и запомнил взгляд уверенного в себе

зверя. Разглядеть и запомнить этого зверя на всю жизнь, конечно, помогло мое ружьецо. Ведь между изумрудно-желтых глаз на огромном, как котел тигрином лбе, легко умещается пенек прицела-мушки карабина. Глядя поверх мушки карабина, я смог разглядеть, что на лбу у тигра отчетливо написаны черно-белые иероглифы.

Много позже, когда стали доступны фотоловушки, когда легко и безопасно можно было разглядывать данные видеозаписей и фото, резко увеличилось число «тигрознаев».

И только тогда стало известно о неповторимой индивидуальности рисунка (полосатости) каждого тигра и оригинальности сочетания пятен у каждого леопарда. В то же время, только единицам советских зоологов был интересен тигр, и только пара человек были первооткрывателями в изучении дальневосточного леопарда.

В госпромхозе мне как официальному лицу неоднократно приходилось разбираться с последствиями своевольного хозяйничанья тигра. Официальная статистика опасных ситуаций с тигром не велась, но случаи такого рода должны были регистрироваться официальным охотнадзорным лицом.

На промысловом участке, которым я руководил, с территорией с пространственным размахом «больше, чем Люксембург» ответственность за все происшествия, связанные с животным миром, была на мне. Мне нужно было исследовать и фиксировать обстоятельства ЧП – чрезвычайного происшествия локального уровня. Как это происходило? Выезжаешь на место, составляешь протокол. Бе-

рем объяснение – бумажку от пострадавших, иногда от очевидцев, и «пишем все как есть». К примеру: «Тигр. Пришел в деревню, задрал корову (свинью, собаку) – нужное подчеркнуть), вытащил, унес, съел, разбросал... Условия содержания, минимальная удаленность свинарника, коровника или конюшни от леса...»

Тогда у меня не было даже пишущей машинки, не говоря уж о служебном фотоаппарате. Протоколы писались от руки, передавались в райцентр. А оттуда уже почтой местным районным охотоведом пересылались «в край».

Забавно получилось, что через 30 лет я помогал своей аспирантке готовить доклад-презентацию на ее первую «тигриную» конференцию. Игорь Николаев – тигровед старой закалки одолжил ей свои записи конфликтов, а я помогал с ними разбираться.

Много что вспоминается, да, к сожалению, немного осталось зафиксированным из той жизни. Легендарное было время, понимаю теперь, нужно было тщательно записывать, конспектировать то «живое» и исчезнувшее...

Много раз общался на эту тему со своим многолетним «шефом», заведующим лабораторией Дмитрием Пикуновым. У него научные дневники в сохранности лежат еще с 60-х годов прошлого столетия, а вот обработать и опубликовать их он не находит времени.

А ведь целая академическая эпоха, безвозвратно исчезнувшая, хранится в таких немудреных записях. Ну да ладно, не будем о наблевшем и неизбежном...

Вспоминаю, как бывало, день-деньской мечешься по хозделам, и, наконец, в выходные дни радостно мчишься с капканами и рюкзаком в тайгу. Иногда барахтаешься в снегу, растаскивая приманку по соболиным путикам своего персонального охотучастка, устаешь, как бобик, а тело счастливо ноет, радуется. Глубокой ночью, а нередко и под утро пешком возвращаешься в холодный, нетопленный дом в деревню.

С девяти утра уже надо вести планерку на своем промысловом участке, выслушивать просьбы-жалобы местных жителей, добывать запчасти для старой промхозовской техники, корм для свинофермы, строительные материалы и т.п.

С транспортом было плохо – на всю деревню ни одной частной машины. Зато лесовозы, трактора и самосвалы всегда под рукой. При желании транспорт для тайги я мог себе найти всегда, но не всегда это было лучшим способом отправиться в лес.

Где компания, там шум и выпивка, а если кого просишь по трезвому или «под хмельком» то должок образовывается...

Поэтому я часто из деревни уходил в ночь пещочком. Это были праздничные для меня дни, вечера и ночи. Порой успеваешь встать спозаранку, метнуться быстренько на речку, нахлыстом поймать шустрой рыбки-пеструшки, потом бегом проверить поставленные капканы на соболя и норку, сменить приманку, мыши одолевали в отдельные сезоны.

Хотелось еще успеть потропить, особенно по свежему снежку, изюбря, кабанов...

Степняк по месту рождения, я вначале трудно себя «находил» в приморской тайге, но именно приобретенный там опыт впоследствии сделал меня «вязким» исследователем-полевиком.

Мне пришлось в краткие сроки постигать очень сложное в практическом отношении промысловое охотничье хозяйство, ведь, когда учились в институте все эти скучные управленческие предметы - бухучет, товароведение, экономика охотничьего хозяйства не были у нас в почете.

Так что практическую хватку управленца-организатора, хозяйственную сметку, или, по-нынешнему, премудрости менеджмента пришлось осваивать ударно, в «сжатые сроки».

«Ударяли» административным взысканием за промахи, наказывали за финансово-экономические ошибки вычетами из зарплаты. Впрочем, само время ли было такое или возраст был такой, но плохо на мою психику эти коллизии не влияли.

И если был выбор, какому занятию предаваться – то ли тому, требовали: посидеть – поразмыслить – написать или побегать – поездить – пообщаться - выпить чарку-другую, обсуждая производственный вопрос..., всегда почему-то выбиралось - выскользнуть из деревни и начать, как в то время уже начинал поговаривать будущий и единственный Президент СССР М.С. Горбачев.

Жизнь в деревне мне нравилась, я очень хорошо ладил с Сергеем Коваленком, ближайшим своим помощником, крепким деловым, умелым сибирским парнем-охотоведом, закончившим «Киров»¹⁾ в отличие от меня - «московского охотоведа».

Кировчане-охотovedы в массе своей были ребята обстоятельные и хозяйственные, а Сергей отличался еще и спокойным, миролюбивым характером.

Жили мы в одном доме, оба холостяки, дополняли друг друга личностными качествами, неплохо работали. Я продолжал учиться у него, как и у некоторых местных промысловиков, тонкостям таежной охоты.

Постигал многие премудрости, о которых совсем не знал раньше в своей Астрахани. В степи мне приходилось охотиться на сайгака, но разве сравнишь эту охоту с добычей косули.

В Приморье косули, или козы по местному вообще-то мало кого интересовали. Из деревенских специально за ними не ходил никто. Так, высматривали и постреливали их попутно при заходе в тайгу или на обратном пути.

Что меня до сих пор удивляет и восхищает, что зверя местные видят всегда, даже когда двигаются по своим хозяйственным делам, мелькнувшего козла или изюбря замечают на большом расстоянии.

---

¹ В советское время только три ВУЗа готовили биологов-охотovedов - в Москве (г. Балашиха), Кирове и Иркутске. Выпускников в своей среде нередко так и называли по городам

Тогда и сейчас – распространен «попутный» чаще всего нелегальный отстрел. А что? Ночь, дорога, транспорт, это – три составляющие удачной охоты, возможность увидеть зверя в свете фар. Увидел, стрельнул, погрузил, разделал на мясо. Никогда не нравилось мне это дело, но, к сожалению, не без греха и сам. Стрелять для себя не «в сезон» нужды не было, все таежное пропитание не переводилось в нашем доме.

А вот когда возникала производственная необходимость, а такое происходило, когда промысловые товарные (мясные) лицензии к концу сезона оставались не до конца реализованными, в промхозе начиналась суета.

Старший охотoved из райцентра по несколько раз в день названивал, требовал «закрыть» лицензии любыми путями, план – превыше всего. И тогда, в зависимости от того, сколько оставалось дней до закрытия охоты и на сколько не был выполнен план по добыче мяса, выбирались не самые приятные, а самые эффективные способы добычи зверей.

Для благополучия производственных дел нужно было во чтобы то ни стало, любыми путями, добыть и «реализовать мясо», сделать доступным деликатесный продукт массовому потребителю. А браконьерство, хоть и наказуемо, дает, конечно, самый быстрый результат.

Отягощенный своими думами и локальными заботами стал я за собой все чаще замечать, что ко мне приходят странные желания и мысли. Накапливалась какая-то хандра, даже в дружеской компании за рюмкой «чая».

Стали реже и меньше стали радовать мои заходы в тайгу. Подспудно, но все более отчетливо приходило понимание того, что нужны коренные перемены в моей жизни.

Не могу и сейчас сказать, что остро ощущалась потребность отдавать всего себя любимому труду исследователя, скорее стали появляться поначалу очень невнятные, затем все более заметные знаки, звоночки, ощущения, потихоньку усиливающие жажду перемен.

Вновь мне стали сниться дни моей юности, работы в заповеднике, ни с того ни с сего я разыскал заброшенные свои книги, привезенные из Астрахани. С непонятной ностальгией стал вспоминать прежние свои научные занятия и интересы.

В общем вновь стал поглядывать на природу не все оценивающим взглядом промысловика-хозяйственника, а скорее с удивлением и любопытством натуралиста.

Зимой 1984 года в госпромхоз «Ольгинский» почти случайно, но, как он, потом мне много раз рассказывал, специально заехал на экспедиционном уазике Александр Паничев.

Бородатый, усмешливый, знающий, уверенный в себе научный сотрудник Тихоокеанского института географии был, по ощущениям, «из своих»: полевик, геолог по образованию, работал штатным охотником на севере края, много знал и хорошо слушал. Общаться с ним было легко и просто.

Его интересовали природные солонцы, которые располагались на территории Щербаковского промыслового участка, в верхнем течении реки Милоградовка (Ванчин).

Долго с увлечением расспрашивал Паничев меня и охотоведа, штатных охотников моего участка о том, что и как они знают о «солонцевании» диких копытных.

Паничеву понравилось наше общение. Остался ночевать, чуть выпили, поговорили, он узнал много нового о солонцах в вершине Ванчина, где сейчас располагается национальный парк «Зов тигра».

А вот для меня неожиданностью стало то, как необычайно глубоко задели рассказы о таежных экспедициях и исследованиях. Возникла и, казалось бы, утоленная, но никогда до конца неутоляемая жажда новых знаний.

Вновь всколыхнулись совсем было забытые мечты юности - посвятить себя науке, бродить по свету, общаться с коллегами в заморских странах.

С этой встречи я серьезно задумался, может быть, пришла уже пора завершить затянувшуюся суперпроизводственную практику? Вдруг уже пришло время попытать себя в новом?

Я тогда еще не знал, к своим тамошним двадцати пяти годам, что я закончивал первую «учебную» двадцатку и что для меня начинается уже следующая жизненная «двадцатка», которая окажется сильно непохожей на первую.

Я не знал ничего о циклике семилетних жизненных циклов и о «трех жизнях», которые проживают каждый из нас. Меня не интересовали тогда глубокие вопросы космогонии, вечные категории философии, и научно-проблемная постановка тогда была еще неведома.

От Александра Паничева я узнал то самое манящее, то, что составляет до сих пор стержень моей жизни. По натуре я исследователь, наблюдатель, поисковик, но не коммерсант и не бизнесмен. Хотя последнего понятия еще и не было в массах, но предпринимательство и находчивость в том деле, которым я был занят, всегда присутствовали.

Перелому в моем сознании способствовало открытие мной Дальневосточного Научного Центра Академии Наук СССР (ДВНЦ).

Я всерьез задумался первый раз над свои мировоззрением, над тем, что вообще-то надо мне в этой жизни? Должен ли я продолжать свой жизненный путь в своей «малой тайге»? Или мир должен распахнуться пошире? Мой путь на Восток был завершен... Начиналась другая стезя, менялась карьера, формировались иные запросы и интересы.

Вероятно, о том, как я устраивался в городе Владивостоке, как «приживался» в среде ученых Академии наук, учился быть исследователем, сам становиться ученым, о том как «открывал – открытое», и «закрывал – непознанное».

Обо всем научном и околонуучном, и не менее для меня интересном, чем житье в таежной деревушке, скорее всего, следует рассказать отдельно...

И не сейчас!

ОБ УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ И ЕЕ ОБИТАТЕЛЯХ

«Уссурийский край» - это легенда, нечто необычное, мистическое ... Богатые и уникально-разнообразные леса в бассейне реки Уссури – это «тело» уссурийской тайги, надежным же хребтом ее являются горы Сихотэ-Алиня...

Горная страна Сихотэ-Алинь не похожа ни на одну из горных систем, расположенных на территории России. Начнем с того, что западные склоны этих гор рождают необычайно красивую и богатую живностью реку Уссури. С восточных склонов, теряющихся среди леса, камней и трав, в Японское море и Татарский пролив сбегает тысяча мелких рек и ключей.

Но не только характером, числом и направлением рек отличаются горные склоны Сихотэ-Алиня, очень различна преобладающая лесная растительность каждого из них. Так западный макросклон формирует крупные массивы сосны корейской или «кедра»², образуя уникальные по разнообразию и продуктивности «кедрово»-еловые и «кедрово»-широколиственные леса.

В естественном лесу Сихотэ-Алиня наблюдается интересное сочетание деревьев, кустарников, трав. Их чередой обеспечивает хорошую кормовую базу для лесного зверья. Стоит выделить здесь южные смешанные и очень

---

² Виды рода хвойных растений кедр (*Cedrus*) произрастают только в Средиземноморье и Гималаях. На территории России виды рода кедр в природе отсутствуют – прим. ред.

характерные долинные леса по берегам крупных рек, названия которых звучат, как песня таежника-кочевника - Хор, Анюй, Бикин, Иман, Даубихэ, Улахэ, Уссури.

На восточных склонах Сихотэ-Алиня нет крупных горных рек. Здесь широко распространены еловые, пихтовые и лиственничные леса. Ближе к морю крутая и скалистая прибрежная полоса восточных макросклонов в большинстве своем занята дубняками.

Кривые морщинистые коренастые стволы дуба монгольского, леспедеца, рододендрон. Здесь не в почете высота и толщина. Нужны крепкие корни и цепкие ветви, чтобы удержаться, устоять, выжить в пронзительных шквалах зимних ветров и летних разбойных тайфунов.

Сихотэ-Алинь очень разный в умах и представлениях людей, которые его изучают, охраняют и пользуются его щедрыми дарами. Легко найдешь не десять, а сто или даже тысячу отличий в его описании, выслушав рассказ геолога, ботаника или лесоведа.

Я здесь коснусь только одного драгоценного «камня» из его сокровищницы. И не камня вовсе, а живого и вполне резвого существа – соболя. Фокус внимания в этом сказе следует сосредоточить на связке «соболь – промысловик».

Соболь относится к семейству куньих. Это самый ценный и поистине легендарный российский представитель своего семейства. Ловкий, гибкий, подвижный, хорошо сложенный зверек общей длиной тела до 55 см с большим пушистым хвостом.

Китайцы, русские, удэгейцы и нанайцы, стараясь каждый для себя, совместно выловили соболя в конце XIX – начале XX века за несколько десятилетий.

Соболь в Приморье считается фактически восстановленным видом. Поимка и выпуск сибирских соболей в середине прошлого века стали завершением великого процесса восстановления численности соболя на его исконной территории.

В Советском Союзе смогли восстановить популярность соболя. Слишком ценным является этот объект животного мира, чтобы позволить исчезнуть ему на территории нашей страны.

Мех соболя был известен российским купцам и фабрикантам еще в XVI-XVII вв. Русские цари, бояре, вельможи, государственные мужи во все времена отдавали должное благородству одежд, отороченных этим драгоценным мехом. И, по сути одной из наиболее манящих причин российской колонизации Сибири - была погоня за «мягкой рухлядью» - пушниной.

А процесс торговли мехом соболя позволил выработать целую систему его оценки.

Соболь занимал несколько последних веков первейшее место в «долговых поступлениях» в российскую казну по мере продвижения служивых людей в Сибири.

Примечательно, что в природе окрас тела соболя очень различается, варьируясь в зависимости от мест его обитания. Спектр цветов шкурок меняется от светлого желто-палевого и бурого цвета ости до почти угольно-

черного с редким «чернением» благородным серебром и легкой сединой.

Опытные технологи и товароведы-пушники считают, что по сочетанию особых тонов, блеска, густоты, нежности и цвета этому меху нельзя найти равных.

Соболиный мех, при правильном хранении и носке, нередко может передаваться в семье по наследству. Следует отметить, что за всю историю соболиных (соболиных) шуб было пошито несколько сотен, но никак не тысячи. Каждая из таких шуб это настоящее сокровище. Опытные меховщики говорили, что в начале XX в. по своей цене такие шубы были сравнимы по стоимости с престижной недвижимостью в крупных городах.

В Приморье 30-е годы прошлого века можно назвать теми «мирными», что стали началом многих советских инициатив. И в советском охотоведении после первых обследований таежных угодий стало понятно, что необходимо завозить соболя, местного осталось слишком мало.

Вполне очевидным было желание советских зоологов реализовать возможность молодой стране выручать немалую валюту за рубежом за «мягкое золото». И в отличие от сегодняшней нефти и газа, это ресурс восстановимый, «экологически чистый», естественный.

После первых успешных опытов по «подпуску» сибирских соболей в Приморье процесс надолго прервался, и только после войны реакклиматизация соболя вновь стала масштабным государственным делом.

Обозначился рост и распространение соболя на Сихотэ-Алине. Соболю как объект промысла стал особенно заметен только к шестидесятым годам прошлого века, тогда еще были живы и памятьливы прежние специалисты-зоологи. Они уверенно отмечали положительную динамику расселения по Сихотэ-Алиню ценного промыслового зверька, отчетливо вырисовывающуюся на фоне прежнего падения его численности, вызванного интенсивным и никем не регулируемым промыслом в таежной части бассейна Амура.

Плотность «населения» соболя была наиболее высока в «кедровниках», где охотоведы насчитывали десять и более особей соболя на 1000 га таких угодий. Нормальная численность соболя в пихтово-еловых лесах обычно в два-два с половиной раза ниже.

Впрочем, в те годы соболю постепенно хорошо освоил не только темнохвойные, но и низкопродуктивные для него мелколиственные леса. Дубняки побережья были также хорошо заселены соболями, более того, становились весьма привлекательными в неурожайные на «кедровый» орех периоды.

Расселение соболей в Приморье совпало с интенсивными государственными рубками леса, что не могло не сказаться отрицательно на его численности и распространении. Особенно это бедствие коснулось высокопродуктивных «кедровников».

Так, что несмотря на то, что в последней трети XX в., соболю успешно заселил все пригодные для него лесные места обитания, даже относительно недавние гари и вы-

рубки, все же плотность его расселения очень различалась в пределах приморского «очага».

Стоит отметить, что соболю трудно учитывать и прогнозировать его «урожай». Популяционная динамика этого вида сложна в изучении, поскольку для соболя характерны периоды массовых кочевий зверьков.

Кочевки этих животных были замечены давно. Они хорошо описаны в научной литературе.

Соболиные исследования вели известные дальневосточные зоологи и охотоведы. Константин Абрамов, Сергей Кучеренко, Юрий Дунишенко, Анатолий Астафьев утоптали много зимних троп, читая иногда очень замысловатые наброды соболюшек.

В период хороших урожаев «кедра» наблюдается отличная выживаемость соболей. В такие годы происходит широкое расселение сеголеток, что имеет исключительное значение для поддержания динамического равновесия в популяционных группировках соболя. Нередко молодые зверьки уплотняют прежних хозяев в наиболее кормных местах, но чаще всего они совершают большие переходы, заселяя территории, опустевшие в результате охотничьего промысла или в силу других причин, связанных с расширением ареала соболя.

Обычно сеголетки покидают родительские участки в два этапа: первые отправляются в путь на Центральном Сихотэ-Алине в середине сентября. К началу октября в массе наблюдаются уже миграции молодых самцов. В последней декаде ноября наблюдается вторая волна выселения сеголеток, где количественно преобладают сам-

ки: они двигаются к морю преимущественно по поймам рек.

Постоянный снежный покров в Центральном Сихотэ-Алине в последние десятилетия прошлого века обычно устанавливался уже после начала промыслового сезона - в середине – конце ноября. До этого времени лишь немногие охотники, счастливые обладатели хороших промысловых собак могли вести промысел.

Кстати, собаки и их роль в охоте - эта тема в беседах охотоведов будет всегда на первом месте по интересу и накалу страстей.

Любопытно вспомнить, что во время моего обучения на охотоведа в Балашихе о соболе мало кто из моих однокурсников знал. Большинство наших студентов были «европейцами», т.е. жили и работали в Европейской части России. Бобр, лисица, волк, заяц, куница... это те объекты охоты, из которых можно было составить условный рейтинг практической значимости. Интерес и разговоры вызывали, конечно, те пушные и иные виды, которые были доступны и понятны моим коллегам, учившимся охотоведению, но стоявшим вполне крепко «на европейской земле».

Но среди нас было несколько ребят, которые знали, любили и охотно рассказывали о тайге и ее обитателях.

Леня Софриков, чернявый, смуглый типичный спокойный молдаванин. Начальник промыслового участка госпромхоза. Местом его работы была Центральная Камчатка. Леня всегда привозил на сессию в Балашиху «крас-

ную рыбу». Другой их постоянный компаньон, районный охотовед Боря Староверов был родом с Алтая. Обветренный, загорелый и подвижный, он весело и заразительно смеялся, был душой компаний, рассказывая великолепные истории о своем крае. Боря снабжал компанию и щедро угощал всех заходящих в их комнату целебными настоячками, заварками душистых трав и медом Горного Алтая.

Еще одним «соболевщиком» был Петя Баранов, друг мой закадычный, работавший тогда в Забайкалье. Я, Игорь Такаченко из Теберды, Саня Сиделев из Лапландии - мы в студенчестве представляли «заповедное крыло».

Петя верен природоохранной деятельности до сих пор, хотя в то же время научник, полевик, охотовед. Прожил с тех пор большую и интересную жизнь, активен в нашем «бизнесе» и сейчас.

Были еще два дальневосточника – Вова Дунаев и Вова Соловей – колоритная парочка из «Солнечного Магадана». Эти держались особняком.

Я, к сожалению, не мог в то время с ними общаться. Слишком разные были жизненные роли были. Вот лет через семь, учитывая мои непрерывные скитания тогда на Дальнем Востоке, мы могли уже обменяться многими интересными фактами и наблюдениями.

Кстати, мой коллега по alma mater, писатель и охотничий журналист Миша Крейчмар, сделал Вову Соловья героем нескольких своих книг. Из этих книг приятно было узнать много нового об однокашнике.

Действительно, «ольский» охотовед Владимир Соловей прост создан для нашего ремесла, «охотовед от Бога».

Вот эти ребята и несли в «европейские массы» рассказы о таежном житье – бытье. Простые и замысловатые. Хвастливые и честные, дурные и прекрасные, короткие и бесконечные, задушевные и громкие...

Несмотря на кардинальные отличия, мы составляли одну «когорту». Группу «МЫ». Наше личностное и общественное несходство нивелировали общая страсть, один и тот же вектор устремлений. Мы стремились стать «профи» в «ведании» охотой.

А наши задушевные студенческие разговоры «за жизнь» и про природу всегда имели особый накал, иногда, соответствующий градусам определенных напитков, но чаще незамутненные и разносторонние. Я вынес из них много полезного и интересного. Тогда-то я и «заболел» своей тайгой.

Пепельно-серый, крупно изломанный с темными извилистыми матово просвечивающими полосами скалистый останец вырос как-то внезапно...

Я поднял голову, оторвал взгляд от аккуратной пушистой вздвойки следов... Всмотрелся в уже слегка синеватый снег у подножия скалы... Расщелина! Вот туда он и ушел. Опытный котяра! И не взять мне его там. Значит, ушел!

Я печально плелся в зимовье. И как это нередко бывало со мной, в голове... как бы сами собой воспроизводились фрагменты, полученных в институте. Еще чаще «всплывали» обрывки знаний, вычитанные из книг или усвоенные в процессе специальных трудов по изучению статей, монографий и иных научных публикаций.

Впервые увидев соболя «вживую», я был поражен несоразмерностью величины зверька его следам на снегу. Отдельные следы были размерами почти как у лисы. Это объясняется тем, что нижние конечности соболя сильно опушены, он их не сжимает в комок, а держит пальцы расправленными, так, что пухлый снег как бы утаптывается во время скачков соболя дважды. Задние лапы попадают точно в отпечатки передних, и можно видеть аккуратные «вздвойки» на неглубоком снегу. Это заветная мечта охотника промысловика – увидеть и вытروпить соболя по свежему снегу.

Следует отметить, что штатные охотники советского периода к пушному промыслу подходили достаточно серьезно.

Сравнивать советский период жизни с современными возможностями обеспечения охотничьей экипировкой просто некорректно, но главное было - тепло и легко одеться.

Куртка из шинельного сукна, поношенный свитерок, часто домашней крупной вязки, фабричная «геологическая» энцефалитка или ее кустарное подобие, легкая меховая шапка или подшлемник из рабочей спецодежды были обязательными элементами промыслового охотничьего гардероба. На ногах у таежников нередко «задерживались» обутое с осени сапоги-болотники, портянки. Если надевались шерстяные валяные носки, то обычно они обшивались тонкой кожей или для меньшего износа упаковывались в старые женские капроновые чулки.

С похолоданием приходила пора обуваться в кожаные сапоги (ичиги), разнообразные ботинки, крайне редко валенки. На руках обязательны суконные рукавицы или брезентовые, утепленные изнутри.

Обязательной частью снаряжения промысловика был рюкзак. Не было сегодняшнего выбора, поэтому ценились прочность и удобство заплечного ношения. Рюкзак каждый из охотников подбирал, шил, чинил себе сам, максимально приспособливая этот чрезвычайно важный атрибут для таежной жизни.

В рюкзак укладывался небольшой запас продуктов, спичек, котелок, топор. Топор – это спаситель таеж-

ника, хотя и без ножа, хотя бы самого плохонького, покупного, никто в тайгу не выходил.

В то время мало кто из обычных охотников имел возможность обладать нарезным оружием. Поэтому сезонное владение «Белкой» – самым популярным комбинированным ружьем советского периода считалось счастьем.

Армейский (кавалерийский) карабин в промхозах, совхозах и колхозах выдавался не всем охотникам, а только тем, кто имел промысловые лицензии на добычу мяса копытных.

«Мелкашки» (мелкокалиберные винтовки и карабины) в целом были доступны для промысла, но их не хватало. Поэтому десятки тысяч охотников обходились обычными советскими двустволками и одностволками 12-го и 16-го калибров. Впрочем, и нелегальные, «левые стволы», используемые для всяких нужд, как гладкоствольные, так и нарезные, скорее были правилом, чем исключением.

Патроны снаряжались свои, нередко с уменьшенным зарядом дроби и пороха, для отстрела белки. В охотничьей среде был популярен 28-й и 32-й калибр используемых гладкоствольных ружей.

Капканы – основной промысловый инструмент советского периода, сохраняются и поныне в большом количестве.

Не останавливаясь на этом подробно, хочу лишь отметить, что в Приморье добыча соболей с помощью

капканов на приманку была основной в последней трети прошлого века, не забыта и сегодня.

Приманка размещается очень различно, но обязательно вблизи капкана, продуманно разложенная или развешанная на ветвях и проволоке.

К маскировке капканов охотники относятся по-разному. Одни не считают нужным их маскировать, особенно в дуплах, расщелинах и на земле по чернотропу. Другие тщательно маскируют сам капкан, особенно на снегу, и цепочку, с помощью которой капкан закрепляется на месте.

Для уменьшения порчи ценной шкурки соболя охотники используют специальные подвесы – очепы. Это специальный шест (сибирское старинное изобретение), для изготовления которого применяется веревка или прибивается гвоздь без шляпки, на котором фиксируется шест.

Настораживание очепа заключается в том, что звено цепи от капкана или петля тросика накидывается на гвоздь (сук и т.п.). Тогда попавшийся в капкан зверек неминуемо сдергивает цепочку с гвоздя и «взмывает в небо», становясь недосыгаемым для грызунов.

Хорошие охотники в Приморье кроме добычи соболя могли неплохо заработать на шкурках американской норки, иногда успешным было белкование. Ловили колонка, попутно могли добыть росомуху, рысь, харзу.

Главная охотничья забота, особенно в начале сезона, была заготовка приманки для снаряжения охотни-

чьих путиков, специальных охотничьих троп, где размещались капканы и самоловы.

Заготовленная рыба, речная и морская, была доступна по цене во многих местах Приморья. Но только не для промысла! Охотники, особенно те у кого угодья были ближе к морскому побережью стремились с осени хорошенько запасти её.

Те кто не имел таких возможностей, у них в процессе промысла в дело шла любая приманка –требуха домашних животных и мясные отходы с сельских ферм, но это было доступно лишь в угодьях с хорошей транспортной доступностью. Там, где охотничьи участки были удалены от населенных пунктов, промысловики были предоставлены сами себе. Тушки белок, рябчиков, мясо кабарги и зайца, случайно пойманные пищухи, поползни, сойки - все шло в ход для насторожки.

Мясо у охотников было всегда и не только для пропитания, но служило средством обмена на топливо, нужное снаряжение, нередко патроны и удобную одежду у военных.

Перед сезоном охотники запрашивали лицензию на добычу копытных, поскольку добыча изюбря, кабана, косули, лося, пятнистого оленя (в постсоветский период) обеспечивала и самого охотника, его семью, родственников, знакомых.

Шкура, ноги, внутренности добытых зверей были лучшим подарком для соболятника. В прикормленных местах можно было добыть несколько соболей.

Некоторые охотники не стеснялись специально стрелять копытных, с тем, чтобы оставить целиком тушу в тайге. Такая приманка могла «работать» немалую часть сезона.

Отлов пушных зверей с помощью капканов – особое искусство: существует множество таежных хитростей при подготовке капканов к промыслу и их промысловом применении.

В советское время, различалось три основных категорий промысловиков: 1) штатный охотник-промысловик (позже официально именовался – промысловый рабочий или промрабочий); 2) сезонник - городской или сельский житель, посвящавший свое свободное время промыслу, обычно в отпускной период; и 3) охотник-спортсмен или любитель.

Две последние категории к профессионалам пушного промысла следует относить с известной натяжкой, особенно тех городских жителей, которые состояли членами спортивных охотобществ (Росохотрыболовсоюз или армейские общества охотников).

В Приморье на сезон штатным охотникам вписывалось в наряд-здание определенное число соболей, согласно его доле в том лимите, что выделялся в целом промысловому хозяйству или обществу охотников. Лимитирована была также добыча выдры, а добыча волка и бурого медведя официально поощрялась.

Результативность пушного промысла зависит от многих причин, но самое главное - качество и размеры территории, выделенной охотнику. Больше территория,

значит, больше выбор подходящих мест для отлова соболя, больше кормов, больше шансов в малокормный период на «приход» и «задержку» проходного зверька.

И, конечно, трудовая соболиная охота, настоящий промысел начинается с выпадением первого снега. С середины октября и до выпадения постоянного снега обычно охотились с лайкой. В чернотроп в тайге, пересеченной множеством ручьев и речушек с постоянными перепадами высот, захламленных и заросших густым кустарником, охотничьим собакам приходилось очень нелегко.

По мнению опытных лайчатников для охоты в горной тайге собака должна быть хорошо подготовлена физически, крепко сложена, не маленькая ростом.

Западносибирские и восточносибирские лайки вполне соответствуют таким требованиям, но учтем, что у каждой собаки и свой характер, и свой «фирменный» стиль работы. Опытные лайки не утыкаются носом в след, они идут быстро, обрезают след в нужных местах, обходят буреломы и заросшие лесные участки. При этом они способны долго облаивать, стойко, уверенно держать соболя или белку на дереве до прихода охотника.

Большинство собак по следу идут молча и лают, если зверек бывает найден. Есть немалая группа собак, которые азартно с голосом гонят соболя по свежему следу, взлаивая и даже взвизгивая, когда зверек оказывается неподалеку.

Производительность охотничьего промысла с опытной собакой могла быть достаточно высокой, но, в исключительно удачный или, как говорили охотники,

фартовый «дневной» выход максимально можно было добыть до пяти зверей.

Главной проблемой было то, что рано или поздно собаки терялись, их воровали лихие люди, а нередко они становились жертвой тигров.

В Приморье главная фигура в тайге - амурский тигр. Он очень большой любитель превращать друга и помощника охотника - собаку в свое изысканное блюдо. Для тигра даже крупная собака что-то вроде большого сурка или крысы, своеобразная «мышь-переросток». Тигры ищут собак без усталости, идут нередко на большой риск, лишь бы скрасть и закусить собачкой. Похоже, что извечная кошачья ненависть к собакам с лихвой проявляется в этой охоте самого крупного кота планеты.

Кстати отметим, что хороших зверовых собак в Приморье никогда не бывало много, и не только потому, что обычному сельскому охотнику было затруднительно привезти породистых собак из ближайших дальневосточных городов.

Их и во Владивостоке было немного, поэтому приходилось искать и заказывать собак на западе, нужно было летать в Сибирь, в Москву, в Киров. Хотя и тогда это было дороговато, но промысловики Дальнего Востока часто привозили отличных рабочих собак в удаленные таежные уголья.

Сибирских собак отличает «вязкость»; настоящие соболятницы способны сутками гнать зверя, часами облаивать, ловко перехватывать в узких расселинах, одним движением придушив пушистика.

В Сибири «соболевка» с собаками была более безопасна. Достаточно много и успешно можно было охотиться даже в горах, только до выпадения глубокого снега. Но хорошая собака всегда с лихвой окупала себя.

Охотник за соболем продвигается по ключам (долинам речек), по склонам и по хребтам. Задача собаки – обыскивать территорию по ходу охотника.

Промысел – жестокое занятие, но не более жестокое, чем современные «удушающие» средства (задавливания) зверей лукаво объявленные европейским сообществом более гуманными, чем ногозахватывающие капканы.

Нынешние времена вообще становятся все более по-фарисейски лицемерны, мнения и правила активно навязываются западным сообществом. Но это уже вопрос политики. Рассматривая же в историко-культурном аспекте промыслы Сибири и Дальнего Востока, можно уверенно сказать, что соболевка относится к высшему разряду русской промысловой охоты.

Мастером здесь стать нелегко!

КАПКАНЫ, КРЕСТЬЯНЕ И СОЛОНЦЫ

Серебристые блески лунного света причудливой тонкой вязью накрывали выпуклый гладкий речной камень-голыш. Серым призраком, сливающимся в медленной зимней ночи с шумно убегающей водой горного ручья камень скорее угадывался, чем был виден.

И только приблизившись вплотную, можно было увидеть тонкую изогнутую полоску, косо распростертую на камне... Рыбка... Когда-то подвижная как ртуть, живая... речная форель-пеструшка сейчас была лакомой приманкой. Мелькнула стремительная тень, раздался громкий металлический щелчок. Все! Капкан сработал...

Использование подходящих предметов, конструирование самых необычных приспособлений, постоянный труд с предельно понятной целью добычи живого, чтобы оставаться живым... в человеке сохраняет свое начало с давних незапамятных доисторических времен.

Миллионы лет миновали с тех пор как человек начал создавать особую культуру, общество, «побеждая» в себе «дикаря». И при этом, даже сейчас в том блестящем ореоле цивилизации, в том радужном флере прекрасного, что мы в себе создаем и поддерживаем посредством этики и морали, мы способны быть как хищником, так и жертвой!

Вначале у пещерного человека, это мало различалось. Для выживания важно было позаботиться о безопасности и пропитании себя и какого-то ближнего.

Затем по соседству оказались, война и охота! Человечество от индивидуального инстинктивного насыщения сытости двигалось к необходимости позаботиться о своем роде, близких, соседях.

У кого-то это получалось лучше, а другим в этом исконном мужском процессе совсем не везло...

Сменялись тысячелетия, менялись времена, эпохи, нравы, война стала делом профессионалов. Но и профессия добытчика, охотника, зверолова оставалась еще достойным и важным занятием, полезным и необходимым любому обществу.

Тяжелая, пушисто-колючая лапа ели хлестнула по щеке... Шагаю и обычный мысленный монолог таежного бродяги: «Блин, совсем заговорился, пробормотал себе под нос... Может, фонарь достать? Что-то темновато совсем, даже снег как будто невидим, а луница-то, кажется, на полнеба...»

Пробирает. Зябко повел плечами под суконкой, кажется, мокрой и снаружи, и внутри. Верный признак, что два с половиной десятка километров сегодня уже остались позади.

Вот и рюкзак, почти невесомый, все тяжелее. Кушать, нет, дико жрать хочется... Привычно отвлекаемся.

Итак, что у нас было...

Метательное оружие – лук – это эпоха... Изобретение пороха и появление первых неуклюжих топорно сделанных ружей не просто существенно расширили возможности охоты, а изменили ее полностью.

Не надо носиться по полям с собачками, да и ловчим птицам работы стало поменьше. Добывать стало легче, но огнестрел тем не менее никогда не мог полностью заменить ловушки, пасти, петли, кулемки, черканы...

Можно посвятить сотни, тысячи и даже сотни тысяч страниц описаниям тех устройств, способов и приспособлений отлова, поимки, добычи охотничьих зверей, которые смогло изготовить и продуктивно использовать эгоистичное человечество.

Вот зверье живет, не напрягаясь. Пускают в дело все, что имеют: впиваются в другое тело и рвут плоть их когти и зубы. Быстрые ноги и маскировочный окрас сохраняет, спасает. Вся надежда только на свое. Человек же слаб, но хитер, коварен и изобретателен.

Безусловным «чемпионом» коварного отлова и брендом-эмблемой последнего столетия следует назвать капкан. Простая и надежная, сделанная на десятилетия верного служения, примитивная металлическая конструкция заводского, артельного, кустарно-индивидуального, штучного изготовления.

С огрехами и недоделками конвейерной системы, выбракованные, брошенные и любовно отлаженные, вываренные в пихтовом настое, сосновой кашице, в крапиве, очищенные сеном и паклей. Совсем ржавые, рассыпающиеся металлической трухой, или новенькие, еще в смазке

Бурые от воздействия ветров и дождей и нетронутые беспощадным временем...

Миллионы капканов раскиданы по планете. Их общее число, наверное, может сравниться числом изго-

товленных и установленных мин. Одни ждут зверей, другие способны десятилетиями дожидаться своего часа, чтобы поднять на воздух человека.

И те, и другие - опасные и зловещие предметы, порожденные сумрачным воображением человека, уже совсем не темного и отнюдь не дремучего!

Много усилий, времени и денег было затрачено активистами-гуманистами в европейских странах на развал и забвение сохранившихся в России традиций и промыслов.

Топ-модели и актрисы, солидные джентльмены и популярные рок-певцы без устали клеймили варваров и дикарей в странах, близких к северному полюсу, за их дикарское желание убивать зверьков.

Пару десятилетий им хватило, чтобы добиться согласия Европы на полный запрет добычи пушных зверей в постперестроечной России. Официально было объявлено, что в России должен быть введен запрет на использование жестоких «ногозахватывающих» устройств, или капканов.

Фактически это стало соглашением, деянием, похоронившим «Промысловую Россию», метко так названную в 90-е лихие годы советским биологом-охотоведом Вадимом Дежкиным.

При полном отсутствии государственной поддержки в промысловой охоте провозглашение новых охотничьих стратегий без должного финансирования является утопией. И это происходит на фоне необъявленных и полуобъявленных войн последних десятилетий.

Кому и сколько за это проплачено? Цивилизованный европейский народ принял решение, значит, и всему остальному миру следует исполнять немедля столь нужный Западу Указ. Считается, что канадцы перестроились легко, отказались от капканов, хотя и не забросили промысловую охоту.

Только давайте не сравнивать трапперов, получающих финансовые вливания от правительства «Страны кленового листа», и россиян, выступающих как сырые и убогие просители могущественного Министерства природных ресурсов - МПР!

Следует отметить, что в традициях североамериканских трапперов ногозахватывающие капканы никогда не были в почете, хотя ловушки как средство промысла пушных зверей эти ребята совсем не отвергали.

Финны и норвежцы ныне предпочитают пушных зверей разводить в неволе и не стремятся показывать чудеса освоения Севера.

В их приоритетах в настоящее время не добывать вольную пушнину, а удерживать нефтегазовый шельф и как можно дальше от своих берегов прихватить тот, который как бы ничейный.

У африканцев и южноамериканцев свои причуды в звероловстве. Какая может быть пушнина в тропиках?

А вот в нашей стране запрет капканного промысла, под давлением международных организаций, означат сворачивание рациональной «мачехиной», но все же государственной советской политики многих десятилетий, направленной на поддержание охотничьего хозяйства.

А вот наступление эпохи гуманизма что-то сильно откладывается...

В стылой декабрьской темноте я споткнулся о придорожный узловатый мощный корень «кедра», растущего здесь с незапамятных времен...

Карабин от толчка сдвинутый рюкзаком, тюкнул меня по макушке. Мой мысленный поток слов и образов прервался.

Ух! Выпрямившись, автоматически поправил, двинув на место уже кажущуюся почти неподъемной «фузею» - супернадёжный армейский карабин. Верный и уже почти исторический друг и приятель мужика на необъятных просторах нашей страны.

Огляделся, о-о-о! Наконец-то, знакомоедолгожданное место! Ага! Через полста метров меня поджидает уже сейчас совсем незаметный в набегающих сумерках сворот с лесовозной дороги. Там даже днем не шибко приметная тропинка.

Вот ее я могу описать очень точно, спросонья, с закрытыми глазами, при рассказе охотничьей байки, на свидании с девушкой...Всегда живет со мной почти генетическая память верного пути.

Действительно, что это, как не наша жизнь? Короткая, быстро и внезапно завершающаяся концом дорожка, тропа жизни...

При этом как же она бесподобно хороша и необычайна!

Вот и сейчас, всего через пять минут, меня ждет мое старое-престарое уютное и родное охотничье зимовье.

Дом, очаг, свет... Что еще надо в нашей жизни? Попутчик? Иногда да, но чаще нет, ведь у каждого из нас своя дорожка. А вот дом человеку нужен, всегда пристанище и место отдыха. Зимовье - это мой дом в тайге, оно сейчас для меня и значит тепло, очаг, отдых...

Жизнь в тайге или в тундре - это обязательно какое-то действие. Это не отдельное занятие, а поминутная, неторопливая продуманность, последовательность действий.

Экономия собственных сил и материальных средств при этом является обязательной, ведь это тяжелый, сродни крестьянскому, труд!

Его рациональность и эффективность достигается исключительной координацией стратегических замыслов, планов и бытовых действий, многих малых, почти незаметных усилий.

Промысел пушного зверя - это фактически совсем не охота. Все, что нужно для жизни на природе, надо иметь с собой. Нельзя проводить долгие месяцы в тайге, тростниках или в тундре без специальной подготовки к этой жизни.

В Сибири добытчики пушнины - потомки оседлых европейских земледельцев и мирных казаков, и поныне являются теми же крестьянами. Только вилы и лопаты были сменены на берданки да ловушки.

Настоящий крестьянский труд трудоемок, нередко горек и нелегок. Он порядком подзабыт в России. Сейчас ищут постоянную опору в технике-супертехнике, а не в уме и смекалке, долго формировавшихся у крестьянина-сибиряка-охотника.

Да и сам сибиряк и приморец быстро вытесняется гастербайтерами, понаехавшими с предгорий Кавказа, Средней Азии и из многих ныне независимых постсоветских государств.

Что за беда то, что понаехали? Здесь надо учесть, что многотысячелетний труд русского землепашца был выстроен на ВЕРЕ. Очень простой и понятной, без особых изысков и призывов духов, непонятных и чуждых «христианину» Высших Сил! Никто ведь без Веры (большой или малой, если можно так сказать) не был способен обходиться.

В отличие от мичуринцев, советских агрономов, сибирский дореволюционный крестьянин был обычный человек, не без предрассудков.

Крестился иногда, Бога молил, вспахивая поле, но вот предсказать, будет ли достаточный урожай зерна осенью, чтобы прокормить свою семью не умел. И нужно было подстраховаться. А как?

Охотники-промысловики урожай снимают природный. Здесь не сеют, не жнут, а получают. Поэтому сибирский охотник все же не обычный крестьянин.

Трудовая страда промысловика начинается поздней осенью и продолжается зимней порой. Это то, время

когда в жизни хлебороба-неохотника наступает отдых от трудов праведных.

Добытчик пушнины не залетный трофейщик или романтичный любитель природы. Он не настроен на добычу выдающегося трофея, некому ему им хвастаться! И в деревне, когда вернешься, никто не оценит «крутизну» очередного приключения.

Он – пахарь! Ему необходимо вовремя снять урожай, достаточный для проживания. Его устраивает та добыча, которая сможет обеспечить благополучие его семьи.

Он должен взять у природы как можно больше, чтобы обеспечить себя на весь год. При этом он не должен быть жадным, ведь духи природы не позволят ему безнаказанно «черпать» в ущерб другим живым существам.

Раньше такие верования не требовали научных доказательств, но все меняется в стремительной суете цивилизации.

Менялась неоднократно и жизнь промысловика. Хотя и поныне, как нигде, здесь живы ритуалы, традиции, и обычаи.

А как же иначе? Таежник должен всегда заботиться о себе сам! Надо беречь себя и быть предусмотрительным в любых делах. Даже в таком простом, как нащепать лучину для печки или набрать воды в замерзшей студеной речушке.

Ведь в случае любой, даже пустяковой по городским меркам проблемы со здоровьем, часто бывает некому помочь.

Даже сейчас еще есть немало мест, где нет не только сотовой связи, но порой и спутниковая связь оказывается недоступной.

Тепло ласково пробралось под свитерок... Я открыл дверь в остывшее зимовье. Пора окончательно приходиться в себя, разуваться, раздеваться.

Вот и тельничек мой. В железную печку подброшены заготовленные дрова, и уже гудит ненасытный огонь.

Я ставлю кружку с обжигающим густым чаем, щедро сдобренным кисловатым лимонником и букетом летних листьев элеутерококка.

С чего начну?

В стоявшем на припёке выдавшем многие виды оцинкованном тазике наконец-то оттаяли задубевшие тушки соболей, белок, колонка, норки, принесенных с собой.

Мягкая рухлядь в рюкзаке –занятие промысловика на весь долгий вечер.

Наступила пора снимать, мездрить, обезжиривать, натягивать на правилки драгоценные шкурки. Это даже не труд, а желанный досуг. Подготовить пушнину – радость и залог беспечальной жизни таежника.

Ножичек легко и привычно взрезал тонкую пленку, отделяя одежду некогда вольного зверька. Теперь она будет служить людям...

Это своего рода медитация, все более и более забываемый в нынешней суете процесс принятия жизни и смерти, благодарения духов, тех, которые позволили ему

забрать чужую жизнь. Мне дали возможность выжить самому, помогли сохранить близких и родных.

Нас не красит сакральное беспамятство и такого рода. Мы виновны в этом, что но не заботимся о сохранении традиций. Нас больше волнуют преступления и войны, политика и финансы, пенсии и домашние неурядицы...

Забывая о благодарности к природе, мы не чувствуем контакта и с себе подобными. Постепенно, незаметно и легко мы привыкаем брать чужое, и не только имущество, но и жизни.

Что, собственно, мы и видим в наших «гуманных» городах и цивилизованных странах? Обычному земному человеку, трудом зарабатывающему в поте лица свой хлеб, не нужны чужие страны и дали. Ему важно сохранить и поддерживать свое...

И ведь у нас пока есть еще много того, что хранить и беречь стоит.

Вновь обратимся к старому лозунгу «Пушные звери – это наше богатство»! Перечислим, проверим все «за», необходимыми аргументами убедим всех, в том числе и себя, в необходимости сохранения промысловой охоты.

Соболь – великолепный символ всей России. «Мягкая рухлядь», «пушистая валюта» всегда ценилась на Западе.

В последние десятилетия все поменялось, и надежды промысловиков-соболевщиков все больше связываются сейчас на дальнем Востоке и Забайкалье с перекупщиками-китайцами.

Желтолицые деловые люди с «зелеными рублями» прочно прописались здесь. Заняли нишу, которую поспешно освободило молодое российское государство, бросив все силы на скорейшее изъятие недр.

Поэтому мы в своей стране изготавливаем нефтяные трубы, а не капканы. Мечтаем об алмазах, а не собольей шубке. Факелы сжигаемого попутного газа - это ведь не теплый костер таежника.

Белка в течение трех-четырех веков была смыслом крестьянской жизни сибирского промышленника. Сейчас она никому не нужна, ее шкурки практически не востребованы.

А те копеечные цены, что дают за беличьи шкурки, не оправдывают даже стоимость пороха в патроне, которым надо добыть зверька.

Сибирские снайперы - «стрелки в голову» перевелись без беличьей охоты. Их не могут заменить чемпионы городских практических стрельб.

Успехи в соревнованиях на скорость, на вертность, на ловкость и прочее не делают ни охотником, ни промысловиком. Как и виртуальные стрелялки за компьютером.

Числится в списке охотничьих видов семейка полуводных зверьков – бобр, калан – выдра морская, выдра речная, норка...

Что тут скажешь? Об этих зверях совсем еще забыли. Действуют, местами не отменены еще советские рекомендации, что и когда можно добывать, хотя добывать-то по большому счету их, уже некому.

Рысь. Это сейчас – седьмой³ российский трофей. Найдутся желающие добыть, заплатив приличные деньги за участие в охоте на рысь.

Рысь может быть успешно добыта точно, очень выборочно. Здесь важно сохранить и мастеров, тех, кто гарантирует добычу.

Лисица и волк не забыты, они популярны и многочисленны. Что тут скажешь? Ружье за плечо, верный снегоход под зад и вперед за быстроногой этой пушнинкой. Шкурки лисицы и волка имеют трофейную ценность. Слава Богу, кому-то еще нужны.

Зайцы, барсуки, еноты, колонки, ласки-горностаи и бурундуки...В разной степени они интересны охотникам. Не совсем забыты и способы «спортивной» охоты на них. Хотя они особо не нужны, кроме разве что ушастых.

В России всегда были и будут места, где зайчики порадуют быстроного охотника.

Росомаха, солонгой, харза, соня-полчок, кроты и сурки... Эти представители охотничьей фауны скорее всего будут благополучны.

Живут они в своей стихии, и пока есть где жить, будет вертеться колесо природы, неторопливо меняться череда времен года, погоды, дня и ночи.

---

³ Лет пять назад оставшиеся добровольные и коммерческие охотничьи организации России придумали семь видов охотничьих животных, трофейная добыча которых обеспечивают специальный приз и звание

Может, сурков будут сберегать вармитчики-стрелки. Это зверь приятный во всех отношениях. Бегать за ним не надо, и дорогое развлечение скрасит жизнь усталому бизнесмену в приятной компании.

А какая у нас ситуация с такими особыми традициями, как охота на копытных? К примеру, такая, как на солонце?

Начнем с того, что в сибирской и дальневосточной тайге во множестве мест существуют особые зверовые источники, в охотничьем просторечье называемые «солонцами».

По сути своей, это чаще всего водно-грязевые источники. Это такие места, где копытные животные приходят и пьют насыщенную минералами воду.

По мнению известного исследователя солонцов геолога-эколога Александра Паничева, заболоченные солонцы, или кудюры, представляют собой такие особые местечки, где копытные не столько пьют, сколько лижут и выгрызают почву, глину с минеральными добавками.

За многие годы исследований Паничевым было установлено, что потребность в пополнении минеральных веществ - литофагии у диких копытных подчинена сезонным ритмам.

Изюбри летом выходят ночью кормиться на открытые места, поляны и в сельскохозяйственные угодья, посещают места зарастающих вырубок и речные долины.

Максимальный пик посещения в зоне средних широт приходится на конец весны – начало лета, хотя зверовые визиты в дождливое лето могут фиксироваться до

середины августа. Но на оленей можно охотиться не только из засады, сидючи на одном месте!

Что касается охоты на изюбря, следует упомянуть несколько основных способов его добычи. Наиболее известна и желанна как трофейная, красивая, хотя и нелегкая, охота на изюбря «на реву».

Местные охотники, егеря, промысловики, которые хорошо владеют прикладным знанием природы, способны подманить оленя. Все примечающие и запоминающие, они ждут тех удивительных раннеосенних ночей, когда начинаются первые заморозки.

Начинается олений гон, звери становятся менее осторожны, их можно обнаружить по голосу. Слушают быков от заката солнца до полуночи, но нередко и позже, можно пробовать слушать и манить зверей в берестяную трубу с началом рассвета и до восхода солнца.

В основной, осенне-зимний период на изюбрей охотятся в одиночку, как правило, отыскивая их на местах дневок. Здесь охотнику необходимы отличное знание местности и умение найти хорошие «слышимые» места для того, чтобы позвать, подражая реву быков, и услышать.

При выпадении глубокого снега изюбри ведут себя по-разному. В одних местах (зона елово-пихтовой тайги) они концентрируются в поймах, в других – распределяются по гребням водораздельных ключей.

На хорошо продуваемых склонах зимой снега меньше, и звери это хорошо знают. Отдельные особи могут жить в таких местах месяцами, что и позволяет попу-

ляции сохраняться даже во время интенсивной охоты на них.

Иногда бывает, что со значительной территории животные перекочевывают в массивы мелколиственных лесов, расположенных на склонах лесов.

Живут изюбри оседло, и если достаточно корма в округе, звери набивают глубокие тропы, оставляя борозды, похожие на след кочующего кабаньего стада.

Непуганый человеком зверь дальше пары километров от мест кормежки не уходит, но подойти и увидеть зверя для городского охотника бывает непросто.

По следам обычно нетрудно отличить изюбря, копыто у него ровное, аккуратное. Изюбри свои ноги как бы волочат, оставляя след похожий, по выражению опытного хабаровского охотоведа Юрия Дунишенко, на лыжню плохого спортсмена.

На сегодня лекция самому себе закончена. Пора прикрутить фитилек в керосиновой лампе да задуть желтый, дрожащий в оконном дыхании огонек ...

Пора спать, завывает вьюга за стенкой из потемневших, но вечных лиственничных бревен избушки. Завтра, похоже, будет славная охотничья погодка. Пробегусь по верхнему путику, сменить приманку пора...

Да и мясо добыть уже пора. А то что-то жестковатой уже кажется коза, добытая в начале недели...

С этим стал приходить мой сон... А, может, про конец промысловой России мне только снится?

ПАНТОВКА

Густой сладкий запах дальневосточных лесных трав заполнял влажную черноту майской ночи...

Еще не стихла в ушах последняя вечерняя трель неугомонного суетливого певчего населения, а уже на смену раздались, поплыли над тайгой жалостливые нотки одинокого ночного певца – уссурийской совки.

Приходит древнейшее чувство единения человека и породившей его природы. Тишина, в которой само пространство ночного леса тонет, исчезает, превращается в какое-то невообразимо многомерное пространство.

Появляется то пронзительное ощущение затерянности в мире, когда ты знаешь, что на протяжении сотен верст кроме тебя сейчас никого нет.

Весной наступает время, когда самцы оленьих теряют свою корону. Но безрогой голова быка оленя остается недолгой, вскоре появляются шишки-утолщения, из которых начинают расти его новые турнирные украшения.

Панты – нежные, мягкие на ощупь растущие рога оленей (изюбря, марала, пятнистого и северного оленя). Само слово какое-то округлое, таинственное, манящее.

Но в ушах умудренного промысловика оно звучит колоколом триумфатора, получившего подтверждение, что его семья безбедно может прожить как минимум год.

Пантовка - название особенной охоты, она устраивается с целью добычи необычного трофея. В чем же заключен ее особый смысл?

Пантам приписывается множество оздоравливающих свойств. Можно сказать, что на Востоке употребление пантов является условием долгой и счастливой жизни, неувядающей мужской силы и семейного процветания.

Ценность пантов в Сибири и на Российском Дальнем Востоке показали китайцы, которые исстари используют данный дериват в традиционной медицине.

Панты ценились всегда, да весьма недешево стоят и ныне. Панты – это рога в особый период, короткий и непростой для зверя. Но рога являются и удивительным элементом эволюции оленьих.

Это «мужское украшение» и орудие защиты гарема у самца и грозное оружие для битв с проворными хищниками.

Соответственно этому формируется тело животного. У оленей гибкая шея и мощная грудь создает возможность носить на голове тяжелое украшение. Масса пантов у крупных рогачей всегда значительно больше, чем у мелких.

Оленям нужно хорошо питаться и при этом следует соблюдать большую осторожность. Малейшее прикосновение к пантам очень беспокоит пантача. Не случайно в этот период самцы всех оленей ведут очень скрытый образ жизни и бывают крайне осторожны.

Темпы роста молодых рогов поразительны. По мнению приморского зоолога Артура Богачева, формиру-

ющийся рог (пант) ежедневно вырастает на 15-17 мм, увеличивая свою массу на 25 и более граммов в сутки. Заметим, что ни одна живая ткань, ни один орган у крупных животных не обладают такой исключительной энергией роста. На рост и развитие пантов всех видов оленей могут влиять самые разные факторы.

Олени должны не только хорошо питаться, но и для правильного роста рогов им необходимо обеспечить себе получение нужных органических веществ. В период созревания пантов пантачи должны посещать особые природные и искусственные грязе-солевые влажные источники - солонцы. Это их общее охотничье название.

Солонцы по-научному называют кудюрами, они классифицируются и различаются по своему составу и происхождению. Есть водно-грязевые и заболоченные кудюры, есть и остающиеся большую часть года сухими.

Ученые давно заинтересовались этим феноменом. Установлено, что для литоморфных кудюров (в вулканических горах) характерны глинистые ванны – участки размокших под действием дождевой или проточной воды глинисто-грязевых образований, выбитых копытами животных.

Животные могут грызть коренные породы, но чаще поедают суглинки и глины, полностью уничтожая травяной покров, устраивая глубокие углубления, выглядящие между корнями деревьев как дыры странной конфигурации. Количество съеденных минеральных пород за раз может измеряться килограммами.

Есть еще твердые белесые глины – цеолиты. Именно в их структуре остаются заметные следы зубов оленей и лосей.

Природные солонцы распространены весьма дисперсно, хотя олени перемещаются на значительных расстояниях.

Звери хорошо знают «свои» солонцы, способны быстро находить и новые источники, чем пользуются охотники, достаточно давно освоив практику устройства и охоты на искусственных солонцах.

В дальневосточной тайге в пределах Сихотэ-Алиня природными солонцами являются водные источники. Животные приходят к такому источнику и пьют насыщенную минералами воду.

Иногда такие места вблизи дорог становятся известны людям, не упускающим удобного случая набрать и попить «нарзанчика».

Чаще всего они выглядят как разной формы и степени глубины ямки, где оленями неровно выгрызены куски породы. Эти места грязны и непривлекательны на взгляд неискушенного человека, но всегда радуют сердце охотника.

Солонцы нередко делают сами охотники. Они используют обычную соль в качестве замены достаточно редких концентраций цеолитов и кудюритов.

Закладываются солонцы в августе, когда звери активно перемещаются. Найдя такое место, олени и косули запоминают его, начинают посещать в весенне-летний период.

Охотиться на солонцах любят не все. Для такой охоты нужен спокойный характер, трудолюбие, терпение, выдержка, время. Много времени!

Нужно особое понимание и чувство бытия, присутствие как бы самому зверю.

Как минимум необходимо уметь услышать тишину леса, постараться стать частичкой природы. В идеале, следует себе пожелать «раствориться» в ее простоте и покое.

Законный трофей охотника летом – олень-пантач. Но осторожные самцы, обычно затаиваются в пределах своей слышимости.

Они пропускают на солонцы вперед себя самок, молодых самцов, косуль. Так они способны не перемещаться в течение долгих часов, улавливая малейшие подзрительные звуки и запахи.

Крупные старые быки (особенно в тех местах, где охота на солонцах распространена широко), обычно приходят на солонец поздно ночью. Они стремятся «подгадать» под самое темное, беспросветное время, когда человеку неудержимо хочется спать.

Хорошо помню эпизод одной охоты. У меня было мало времени, как обычно, накопилось много городской усталости, хотелось расслабиться и отдохнуть. На охоту, решено!

Заботливо устроенный, любовно поддерживаемый моим другом профессиональным охотником Игорем, солонец был очень удобный и щедрый на дары. «Фартовый» как называл его охотник.

Я забрался по скобам-штырям наверх, комфортно расстелил старый спальник, разулся, надел меховые чулки-чуни, подготовил и проверил фонарь на оружии.

Солнца уже давно не было видно. Наступила то вечерне-летнее затишье, когда начинаешь слышать «микророзвуки». Прощелестит по рубероиду крыши муравей, а кажется топают какая-то шальная лошадь.

Что уж говорить тут про посещение зайца. Его движение в густой траве принимается за топот подгулявшего колхозного быка. Ну, а мыши, как в сказке про Золушку, превращаются в кучеров кареты.

Незаметно для себя я уснул...

И снилось мне, что я читаю лекцию молодым охотникам. Помните, говорил я им, что в промысловой традиции солонцы устраивались, прежде всего, с целью самой драгоценной добычи – пантов оленей.

Сам охотничий солонец организуется так. Крупные куски соли, забитые глубоко в землю с помощью тут же вырубленного деревянного кола, со временем под действием влаги (дождь, снег, почвенные воды) подтаивают, растекаются, формируя невидимое человеку, но привлекательное для зверя место.

Солонцовые площадки, по возможности, следует устраивать на пологих склонах с мягкой почвой, обязательно планируется и проверяется директория стрельбы.

Важно еще найти то особенное единственное место, соответствующее целому списку требований, предъявляемых как к обустройству самого солонца, так и к строительству охотничьей засидки – лабаза. Само место

солонца охотник должен выбрать так, чтобы после выстрела убегающий нередко вниз по склону бык должен завалиться на мягкое, в густую траву, в тонкоствольный кустарник или на папоротник.

Для обустройства солонца требуется много времени. Но из всего того, что «дарит» охотнику природа, панты - самый драгоценный и желанный трофей.

На этой патетической нотке мой сон оказался внезапно прерван. Впереди, внизу, на площадке раздавались громкие звуки, чавканье, какое-то странное повизгивание.

Поправив на носу очки, тихо подал ствол винтовки в амбразуру лабаза, мягко надавил на квадрат выносной кнопки отечественного подствольного фонарика.

Конус матового желтоватого света упал на грязное пятно вытоптанной зверем солонцовой площадки. Но вместо желанных светляков оленьих глаз, ожидаемого абриса изящной оленьей головы, в свете фонарика рисовалось что-то черное, уютнообразное, шуршащее и дергающееся.

Черти что... Да это же кабан! И какого ему понадобилось на солонец притащиться летом. Я бурно возмутился: приперся, разогнал своим треском зверье, а сейчас в грязи валяется, хрюкает самозабвенно от удовольствия.

Вот вlepить бы тебе сейчас магнумовский латунно-свинцовый подарок. Да связываться не хочется, мясо жесткое, жилистое, словом, ни кожи, ни рожи от тебя сейчас. Такой замечательный сон прервал, мерзавец, а мне и дальше хотелось бы поделиться знанием с желающими.

Итак, особая тема – готовность к тому, что можно увидеть в тайге разное, и не во сне, а наяву. Я не буду расписывать в деталях привычный сказ из нынешних охотничьих журналов: идем... в лесу, в горах, на побережье...

Далее по тексту: проводник осмотрел, сказал, палку поставил. Геройский охотник приник к дальномеру, установил и понял, насколько далеко он еще от зверя.

Приложился - примерился, получил разрешение от гида, глянул в оптику, бах, вот и трофейный зверек лежит... фотосессию, однако, делаем.

В тайге все просто, без патетики, гламура и лишней известности. Как и в советский период (в эпоху тотального дефицита), обычный набор для охоты сейчас составляется немудрено.

Берется имеющийся в хозяйстве фонарик. Раньше выбора не было, был одинаково доступен всем обычный и крайне ненадежный, с алюминиевым быстро корродирующим корпусом, дешевый фонарь.

Непросто было к нему «достать» и относительно «свежие», всегда дефицитные немаленькие круглые батарейки.

Уже на охоте, на лабазе фонарик приматывался черной изолентой, иногда даже и проволокой, к стволу трехлинейки или армейского карабина, нелегальной гладкостволки с вкладышем или без такого.

Проверялся, подгонялся, так чтобы хотя бы на 20-30 м от охотника центр светового луча приблизительно совпадал со средней точкой попадания метательного снаряда.

Техника стрельбы на солонце специфична. Сама по себе стрельба из винтовки в лесу требует исключительного умения, а порой и искусства, такого непростого и непривычного даже в современный период потенциального наличия всевозможных устройств-приспособлений для охоты днем, утром, в сумерках и ночью.

В охотничьем журнале советского времени даже опытным зверовым охотникам для охоты на солонцах рекомендовалось использовать гладкоствольное оружие.

Нарезное оружие легально могли иметь единицы среди обычных таежников. Рекомендовали стрелять оленей согласованной крупной картечью, с тем, чтобы повысить вероятность уверенного поражения зверя.

Это вполне понятно, выбор фабричных пуль к гладкостволу был мал, точность стрельбы пулями из ружей была низкой.

Для охотника крайне необходимы выдержка, хорошее зрение и сноровка, ведь нужно было хорошо разглядеть голову зверя, чтобы не ошибиться в выборе добычи, а это наиболее актуально именно в период пантовки.

Считается, что, как и большинство других лесных животных, оленей не пугает кратковременное освещение – высвечивание лучом фонаря. Нельзя сказать, что это стопроцентно верно.

Зверь замечает все необычное и реагирует. При этом природная осторожность пантача сама по себе очень высока, и высмотреть и даже услышать его в темноте человеку почти невозможно.

Продолжу: хороший свет был обязательным, самым необходимым и порой самым важным элементом такой охоты.

Из одежды - сапоги-болотники, ватничек для сугрева и под бок, кепка или шапчонка, собственно, и все. Далее, чтобы забраться и выбраться из угодий нужна, конечно, техника!

В то время, о котором я пишу, а это не менее четверти века назад, хотя на солонцах я бываю и сейчас, у сельских охотников было что-то немудреное в хозяйстве – мотоцикл или мотороллер.

Кстати, в промхозах самым острым был вопрос был ремонта техники и запчастей для обычных ненадежных, но простых советских машин или мотоциклов.

Я здесь не упоминаю о снегоходах, хотя они тогда уже появились, и на «северах» были. У нас в отдаленном от краевого центра районе их не было совсем, так же, как и квадроциклов, распространившихся по белу свету на пару десятилетий позже.

И только в северных районах Приморья, в Хабаровском крае, на Камчатке охотники использовали воздушный транспорт, нередко совмещая вывозку мяса с временным или окончательным послепромысловым покиданием угодий.

Это был интересный промежуточный период. До середины XX в охотников в тайге, крестьян-колхозников хорошо выручали лошади.

К началу 80-х лошадей в наших краях почти не осталось. Но уже существовала вполне сносная сеть лесо-

возных дорог, позволявшая заезжать при необходимости в хорошие места обитания зверя. К охотникам «в долю», на паях, стали вступать лесозаготовители, которым нужно было мясо на прокорм самим при их тяжелой работе, и семье.

С помощью мощной лесовозной техники - бульдозеров, трелевщиков, охотнику стало возможным устраивать лесную дорогу в нужном себе месте. Впрочем, к дороге нужно было мясо нести на себе.

Начинаешь понимать, что в промысловом прошлом добыча зверя занимала, сама по себе, весьма подчиненное положение.

Конечно, следует признать, что было немало злоупотреблений, если ориентироваться строго на «букву» закона. Северный олень, лось, изюбрь вследствие усиленного преследования нередко исчезал на обширных и доступных человеку угодьях.

Плотность населения промысловых животных падала прежде всего вдоль автомобильных дорог, судоходных речных русел.

Малопродуктивны были обжитые местным населением лесные поляны и некоторые сельскохозяйственные угодья. В постперестроечный период вместе с развалом промысловых хозяйств ушла в прошлое государственная форма заготовки мяса и пантов изюбря.

Вновь пантовка как один из способов разрешенной охоты в Приморье появилась в конце 90-х. Но беда в том, что ныне утеряна многовековая промысловая культура качественной заготовки и обработки (варки) пантов.

Добыв зверя, желательно было оставлять рога на черепе, оставляя нетронутой шкуру вокруг пантов. При пантовке, самое главное нужно было обработать и сохранить это самое ценное промысловое сырье.

Для хранения пантов нужно было обеспечить прохладное место, чтобы их сберечь от мух и вездесущей жары, затем доставить к месту их консервации. Доставкой занимались самые опытные, как правило, пожилые охотники.

По нормативу советского времени, от времени добычи изюбря и до начала консервирования должно было пройти не более 12-15 часов.

Если в отведенный срок не удавалось доставить панты к местам их основной обработки, настоятельно рекомендовалось охотнику следовало обеспечить первичный процесс консервации.

Консервация пантов была сродни магической или алхимической процедуре, впрочем, учитывая китайские корни этой деятельности, это так и есть.

Промысел в тайге всегда был дуален. Здесь традиции и инновации хранятся в «одном флаконе».

По моему мнению, река отдельное и по- своему живое существо. Река – всегда жизнь, ее нельзя остановить. Она всегда находит новый проход, прокладывает иной путь после бурь и наводнений, которые бывают страшны для человека на Дальнем Востоке.

Западные склоны Сихотэ-Алиня очень непостоянны. Все реки здесь породнены с горами, неустанно бегут с их вершин, стремясь неудержимо на равнину.

Нередко за короткий срок невозможно узнать хорошо знакомое место. Прежняя речная быстрина на глазах превращается в старицу, образуются тихие лесные заливы, зарастающие водными растениями.

В западной части Приморского края пока еще сохраняется один из самых красивых, хотя и трудных, высокопрофессиональных способов добычи изюбря на речных заливах. Только в таких местах велась (и поныне ведется) охота лесными охотниками удэгейцами и нанайцами.

На очень вертких берестяных лодочках-оморочках заплывает, затаивается промысловик, терпеливо караулит приход зверя.

Очень красивая и своеобразная охота, которая мало распространена за пределами южной части Российского Дальнего Востока.

Так же, как и на солонцах, пантачи на реке - самые осторожные из всех визитеров, которые приходят полакомиться озерными лакомствами-водорослями.

Нужны железные нервы, невероятные терпение и выдержка, чтобы высидеть под натиском комаров и мошки долгую ночь, не двигаясь, не забывая в азарте, что достаточно одного неловкого движения, чтобы оморочка перевернулась.

Выбираемые оленем и лосем речные заливы обычно также богаты рыбой. Леннок, хариус, таймень привольно обитают в прозрачных водах. И обычно только в сумеречное и ночное время изюбрь, лось, косуля приходят на водопой и за «травкой».

Завершая рассказ о пантах и оленях, хочется упомянуть несколько составляющих охоты, на мой взгляд, также имеющих важное значение.

Добыча вольных зверей требует большой сноровки, ведь это же не получать прибыль от перекачки нефтедолларов, сидя за компьютером и общаясь со смартфоном или планшетом в руке.

В последние десятилетия в Приморье и в Хабаровском крае продолжают выдавать разрешения на добычу изюбря и летом, ведь ныне охотпользователи имеют ежегодную квоту добычи на свое хозяйство.

Раньше имелись возможности централизованного получения научных разрешений, которые, как и лицензии, всегда распределялись в соответствии с незримым социальным статусом, по личным и всегда пристрастным предпочтениям.

Ныне все отдано на откуп в хозяйства. Желающих принять участие в зверовой охоте летом было всегда намного больше, чем лицензий.

Почти никто сейчас уже не умеет консервировать панты. Но данная проблема не осознается.

В случае добычи ценнейшие панты, не мудря особо, отпиливают ножовкой, затем режут ножом на части, складывают в миску и консервируют водкой.

Такая настойка пантов тоже лечебна, если выдерживается в прохладном месте положенное время, от одного до нескольких месяцев.

Употребляется внутрь, и как правило, даже скептикам обеспечивает мощный оздоровительный эффект.

Так и хочется порой воскликнуть: «Берегите, мужчины, оленей!»

И их на всех, может, уже и не хватает!!!»

КАБАНЬЯ ЖЕЛЧЬ

Ослепляющие белесые полосы бесконечной игры света и воды завораживали. Трудно было оторвать сощуренные уставшие глаза от этого таинства.

Жаркие лучи августовского солнца смягчались легким дуновением ветерка. Я откинулся назад, вытянулся на спине, прикрыл глаза и задумался.

Наша жизнь - это тоже извечная игра всех со всеми, и одного против всех.

Порой кажется, что ничего интересного и захватывающего и не было вовсе в твоей жизни. Что если попытаться вспомнить что-то замечательное, связанное с природой, каким-нибудь животным?

Вот, например, кабан или дикая свинья *Sus scrofa* Linnaeus, 1758.

Относится к роду настоящих свиней *Sus*, семейству Свиные Suidae, отряду Парнокопытные Artiodactyla.

По морфологическим признакам это животные с телом средней и крупной величины, очень устойчивы на толстых коротких ногах.

Крупная голова, заканчивающаяся длинным конусообразным рылом. Тело покрыто грубой щетиной и невидимым сверху пухом, сменяющимся один раз, но согревающим животное исправно весь год.

Кабан, или вепрь - настоящий дикий зверь. Геральдический символ князей, рыцарей средневековой Европы.

Охота на кабана французскими дворянами причислялась к числу наиболее серьезных занятий. Добытый в конной загонной охоте трофей удачливого охотника делал известным, прославленным.

Греки, римляне, варвары ... Перечень всех тех, для кого дикие свиньи были непростой и желанной добычей теряется в далеких тысячелетиях прошлого.

Во все времена и эпохи кабан воспринимался людьми как очень опасный, непредсказуемый, неукротимый зверь.

На такой охоте охотники нередко погибали, но им на смену приходили другие.

К слову сказать, по гороскопу мой год - Год кабана, а вот не люблю я этого зверя в жизни.

Хотя могу подтвердить, что в жизни иногда появляется склонность к для таранным атакам, столь любимым кабаном.

Так что мирюсь не только с тем, что хорошо и вовремя приготовленная кабанятина по вкусу мало с какой дичью может сравниться, но и стараюсь не замечать своих «веприных» наскоков.

С недавних пор, я получил и мистическое объяснение моей нелюбви к этой зверюге. Один из сетевых «тестовых» сервисов, по щелчку-запросу, выбросил табличку-тест, и просветил меня.

Оказывается, в прошлой своей жизни был я богат, знатен и красив. Английский аристократ, погиб молодым, получив смертельную рану именно от природного «мастера клинка» - вепря.

В Евразии уссурийский кабан - самый крупный представитель диких свиней. Его местообитания повсеместно совпадают с областью естественного произрастания смешанных многовидовых неморальных лесов.

Кабаны – евразийские космополиты, хотя ныне акклиматизированы широко в Америках, имеют многих родственников в Африке.

На Дальнем Востоке можно встретить диких свиней в дубняках, хвойно-широколиственных, долинных лесах.

Стада кабанов постоянно передвигаются, иногда на длительные расстояния, спасаясь от двуногих и четвероногих хищников.

Кабан ищет для себя самые лучшие для «безбедного» существования места и находит их в наиболее богатых и разнообразных по пищевой ценности лесных угодьях юга Российского Дальнего Востока.

Кабаны хорошо приспособлены к любому питанию. Они всеядны, неприхотливы к выбору корма, легко и без усталости способны добывать себе пропитание, трудолюбивы и изобретательны, умудряются извлекать с помощью длинного рыла самое необходимое и вкусное (личинки, черви, корешки) из толщи почвы.

Кабаны подобно строителям способны буквально перепахивать лесную почву, меняя до неузнаваемости приглянувшийся лесной участок.

Не пропускают кабаны и животной пищи, питаются почвенными беспозвоночными, падалью. Они способны

попутно, при случае, найти и разорить наземное гнездо лесной пичуги.

Охотно поедают корневища и луковицы растений, сочные стебли крупных дальневосточных злаков в летний период.

Зимой концентрируются в зарослях зимующего хвоща. Они очень любят «состригать» своими острыми зубами эти вечнозеленые пупырчато-составные жердинки в лесных болотинках.

Кабан регулярно посещает зерновые поля, хотя основная пища кабанов – желуди дуба монгольского и семена («орехи») сосны корейской («кедра»).

В годы регулярных обильных дальневосточных лесных урожаев кабанов становится много. Как следствие, быстро возрастает и общее число желающих полакомиться замечательным по вкусу свиным мясом.

Именно в этот период обостряется конкуренция тигра и человека за право охоты, добычи столь привлекательного зверя.

Кабаны чрезвычайно выносливы, легко передвигаются по горам, часто возникает ощущение, что для них нет никакой разницы, карабкаться по обрывистым кручам вверх или стремительными торпедами «слетать» вниз, спасаясь от явной или кажущейся опасности.

И тигр, и человек охотятся сходным образом. Вначале каждый из охотников, зверь или человек, отыскивает кабанов по следам. Однако у соперников разное терпение и время выслеживания.

Тигр живет в тайге, может неделями терпеливо и неустанно сопровождать кормовые перемещения кабаньих стад. Человек обычно действует спонтанно, и только опытные профессиональные «зверовщики» могут продемонстрировать «тигриные повадки».

На финальной стадии охоты всегда разыгрывается очень похожий алгоритм: выслеживание, преследование и момент добычи. У тигра – внезапный прыжок, у человека – прицельный выстрел.

Кабан способен без больших затруднений преодолеть два–три десятка километров за сутки.

При обилии корма кабанья «группа» может неделями перепахивать заснеженные склоны, где густым слоем складирован желудь или «орех», смещаясь на двести – триста метров вверх или вниз по склону, продвигаясь от одних продуктивных древесных куртин к другим.

Часто в такие периоды кабан бывает достаточно беспечен, более того, в тихую погоду можно услышать и даже «почуять» (поймать в воздухе) за несколько сотен метров резкий запах зверей.

При глубокоснежье сильные взрослые особи пробивают дорогу. Старая свинья «чушка-лидер» бывает наиболее опытной особью в кабаньем «социуме». Так что в свином стаде существует несомненная иерархия, более того «матриархат».

Дальневосточный охотовед Сергей Кучеренко писал, что в семье верховенство всегда за свиньей. Тогда в стаде два вожака – она и секач, который на переходах яв-

ляется арьергардом, обеспечивая замыкающим безопасность и порядок в стаде.

На кормежке часто царит забавная кутерьма. Поросята, подвинки, взрослые особ шумно пируют, визги, шорох и топот, кляцанье зубов - все это сливается в громкую какофонию. Но если внезапно раздастся сигнал тревоги, стадо мгновенно готово удирать или защищаться.

Кабанья охота может быть очень интересна и привлекательна. Культура народов и природная специфика различных мест определяют отличия охотничьих практик, выслеживания, преследования и добычи кабана.

В средней полосе России, на Кавказе, в плавнях Кубани, в тростниках низовой Волги или горной тайге - везде существуют особенные приемы, уловки, способы добычи животных.

Различно и «народное» отношение к этому зверю. Для мусульман кабан — «нечистый» зверь. Охотиться на него они избегают, несмотря на то, что, расплодившись, кабаны наносят значительный ущерб сельскому хозяйству в восточных прежде советских республиках.

Верхние клыки, выступающие из-под губ, в паре с нижними образуют у кабана грозное природное оружие. Они же превращаются в садовые ножницы-секаторы, с помощью которых дикие свиньи успешно решают свои «пропитательные» задачи.

Эти же зубы, пока владелец их жив, представляют собой очень грозное оружие. На гравюрах, воинских шевронах и штандартах кабаньи клыки символизируют собой оружие турецких янычар - боевые кинжалы-ятаганы.

Так, на Ближнем Востоке, в далекий исторический период, презирая и ненавидя кабанов, воины тем не менее охотно использовали символику кабана для имиджевых целей, идеологически «обрабатывая» своих врагов с помощью презираемых образов.

Когда кабан нападает, не важно отбивается ли от тигра или медведя-шатуна, или после ранения, он очень опасен, становится быстрым и решительным, и встречает очень жестко своего врага.

Его клыки представляют собой грозное оружие, силу которого предпочитают не испытывать на себе самые опасные хищники планеты.

Не в последнюю очередь из-за этого кабаньи клыки ценятся и служат подтверждением, вещественным доказательством доблести охотника.

Немало знаменитых личностей переселились в мир иной досрочно, неудачно поохотившись на свиное племя.

Размеры клыков кабана зависят, прежде всего, от возраста зверя. Трофейную ценность начинают представлять клыки зверя в возрасте от четырех-пяти лет, полного же развития они достигают у секачей семи-восьмилетнего возраста.

Для нынешних городских охотников, эстетов и «достигаторов» верхняя и нижняя челюсти кабанов - самые ценные вещи.

С большим искусством вырезанный медальон, это такая особая деревянная тарелочка, она служит особой «оправой», где крепятся кабаньи клыки, размещаемые на

самом видном месте в домах удачливых и честолюбивых охотников.

По мере наступления старости у выживших в природе животных вершины клыков постепенно затупляются, их развитие останавливается, и клыки могут обламываться. Это верный признак смены социальной активности для самцов. Наступает период отшельничества.

Такие секачи перестают участвовать в размножении, они одиночки, меняются их физиология и образ жизни. Тогда как у матерого секача, рыщущего в поисках самок, мясо невкусно, и они максимально стараются избежать встречи с этим опасным и злобным в это время животным.

Опытные охотники знают, что при добыче мясо таких самцов может быть хорошего качества даже в период гона. Здесь мне вспоминается один забавный случай из моей охотничьей жизни.

Как-то я вышел не очень рано из зимовья, было хорошее солнечное и нехолодное декабрьское утро. За день до этого выпал снежок, и уже понятно было, что он не растает до весны.

Идти было легко и приятно. Ветки деревьев всех пород представляли собой чудесное сказочное видение. Густо опушенные снегом, они покорно склонились к еще не промерзшей земле.

Трудно было удержаться от желания запечатлеть окружающую меня красоту, но карабин на плече, бинокль на груди, запасные патроны в кармане маскировочного комбинезона...

Я приостановился, прислонил винтовку к дереву, скинул легкий походный рюкзачок. За такими у нас с легкой руки академика закрепилось ласковое прозвище «гнидничек».

Достал и откупорил массивный кожух-футляр своего аппарата, японского «сонника», выпрямился, взглянул «вскрозь», вылавливая-выискивая лучший кадр, и в этот момент...

Держу в руках фотоаппарат и вижу лишний черный пень, припорошенный снегом в нескольких метрах от тропы.

Надо сказать, по тропе этой многожды хожено, и вблизи зимовья все уже было знакомо и привычно, как в своей квартире.

И «на автомате» замечаешь что-либо необычное, когда идешь. Например, новый листок дубовый, а тут цельный пень...

Жизнь таежника размеренна и спокойна в норме. Обычно утречком отходишь от зимовья неспешно, вообще в тайге редко спешат.

И вот в такой момент еще утренних тягучих дум за первым импульсом удивления у меня возникает вопрос – а что это за пень? Или, может быть, это и совсем не пень?

Удивительно это в нас - такое сравнение увиденного с базой данных, что хранится еще от пращуров. Происходит невидимое мозговое замыкание нужной нейронной цепочки...Так бывает получен ответ-предположение – здесь что-то не так. А пока один импульс еще идет в мозг,

происходит опознание, сравнение, перебор имеющихся в долгосрочной памяти образов пней.

Другой импульс, в такой же ничтожный по своей длительности отрезок времени, уже достиг левой руки. Мягко выпустившей фотоаппарат на рюкзак, тот самый, что путается под ногами, как подсказывает третий сигнал периферической нервной системы.

А тело уже бессознательно тянется, склоняется к дереву. Правая рука хватает-сжимает шейку винтовочного приклада. Скашиваются глаза, и, как у популярного советского актера, в буквальном смысле их становится в четыре раза больше.

Один следит за телодвижениями, другой сканирует - рассматривает пень, третий отслеживает передвижение затвора, четвертый выбирает дистанцию.

Рефлексы и нервы не подводят. Пень превращается в огромную спинушку кабана, размером чуть поменьше легкого плавающего танка. Дальше все пошло в стиле боевика. Кажется, невероятно быстро мелькают, пролетают многие кадры разных движений, моих и ринувшегося вперед зверя.

В доли секунды рывком к плечу вздернут карабин...

Первый «круто» пошел – это кабан, который с места набрал очень приличную рысь...

Второй - это мое нажатие пальца на винтовочный спуск.... Неееееее, не поддается! Че-е-е-р-т, предохранитель!

Большой палец назад, четкий щелчок, глаз вылавливает вновь прорезь, мушка или кругляш окуляр оптики...

Мелькает, ничего уже не ловится, не фиксируется – ведь кабанище то рядом, кажется, вот этим стволом и ткнуть запросто его можно...

Стреляю по стволу. Раскатистый ба-бааах трехсотого магнума. И только треск и шелест уходящей «свинячьей торпеды».

Дернул затвором, вылавливание несущейся туши в чаще ключа. Бесполезно, ушел, ускакал, протаранил все что попало ему в этот раз на его пути...

Кабан активен в любую погоду. Мощное рыло кабана может дать фору слабосильному китайскому трактору по своим возможностям перепахивания почвы.

Круглый год эти звери по-стахановски раскапывают, перерывают невероятно большие площади в поисках корма. Только в самые сильные морозы, в глубокоснежье, при плохом урожае, для кабанов наступают «плохие времена».

В бескормные многоснежные зимы и особенно, если их беспокоят, кабанов найти трудно. Они покидают обычные места зимней кормежки в хвощевниках и забиваются в глухие отдаленные малопосещаемые хребты, занятые елово-пихтовой тайгой.

Там они могут существовать месяцами на относительно небольших участках, выбирая все съедобное в пределах заросших и сухих водотоков лесных ключей.

В такие годы гибнут массово молодые, больные или старые, ослабевшие от бескормицы особи. После таких массовых падежей, так же, как и после страшных эпизоотий, типа чумы свиней, численность кабана медленно восстанавливается в течение нескольких лет.

Именно в этот период, обостряется конкуренция тигра и человека за право охоты и главное самой добычи столь привлекательного своими вкусовыми качествами зверя.

Более того, вопросы типа «почему зверь жметя ближе к человеку в лихое время?» отпадают сами по себе.

«Хлебное» таежное дерево – «кедру» вблизи зимовья от лихих людишек (лесных воров, черных лесозаготовителей, прочих лиходеев), охраняет, не дает спилить сам охотник.

Вот к человеку сам лесной зверюга-отшельник и наведывается, шишки подобрать да подзакусить «чем Бог послал». Там, бывает, и встретишь зверя рядом с жильем, хотя в обычный сезон можешь месяцами не видеть его.

На всей обширной территории Российского Дальнего Востока можно по пальцам пересчитать те охотничьи хозяйства, где проводится регулярная подкормка кабанов.

Следовательно, нет всегда доступной для них пищи, нет и гарантии по добыче свиней, не формируется система успешной охоты, как это делается по всему миру в специализированных охотничьих хозяйствах.

Трофейная охота никогда не привлекала местных охотников. Мясо и еще раз мясо – вот главный стимул кабаньей охоты здесь.

В годы, когда популяция кабана находится в хорошем состоянии, охота на кабана не вызывает больших затруднений.

Местным охотникам здорово помогают собаки, причем любого происхождения...Дворняжки, страшные помеси бойцовых собак, овчарок, лайкоиды всех мастей часто сопровождают деревенских охотников.

Городские охотники, владельцы лаек по-разному относятся к таким охотам, не каждая лайка будет хорошо и, главное, долго успешно «работать» по кабану.

Азартные собаки часто становятся жертвой секачей, да и чушки могут серьезно порвать даже крупную и злобную, азартную лайку.

Не дремлет главный конкурент охотника на кабана – тигр. Заслышав лай, станет кружить, скрадывать своих в кошачьей жизни извечных врагов – собак.

Обращаясь к проблеме благополучия уссурийского кабана, «вольной» охоты на этого зверя, нельзя назвать ни одного сколько-нибудь продолжительного периода за последние пятьдесят лет, когда можно было бы сказать - «зверя было много».

Многократно совещались охотоведы и чиновники, обсуждая различные способы увеличения численности кабана.

Причины, откровенно говоря, стабильно низкой численности кабана называются разные: это и неурожай кормов, глубокоснежье, крепкие морозы, произвол крупных хищников и самого человека, болезни, голодное сельское население, скужающие горожане-охотники и т.п.

Много всякого-разного можно найти причинно-следственного. Но практически сделать так, чтобы всем хватало черных зверей в славной уссурийской тайге, ни разу не получалось.

Чтобы «развести зверя», пробовали разные меры: вводили полные запреты охоты на несколько лет и выдачу лицензий (разрешений) пытались ограничивать.

Впрочем, особую тревогу вызывает общее реально существующее хищническое отношение к лесу, к тайге, к кормилице зверюшек, птичек и самого человека.

Так, огромные высокопродуктивные массивы «кедровников» были сведены еще в советский период стараниями огромных леспромхозов.

Вся причина в экономике. Раньше лес был государственным не номинально, оно и ответственно за массовые рубки в двадцатом веке.

С распадом советского государства, с конца прошлого века и поныне лес воруют и продают – по крупному, по мелкому, по-разному.

Кто-то оперирует сотнями тысяч кубометров, другой по мелочи – пару – тройку лесовозов успевают вывезти. Еще иной прочий стремится семью прокормить да соседям помочь, впрочем, уже не бескорыстно, как было раньше.

Лесное воровство не прекращается, все маломальски доступное идет под топор да пилу, преимущественно «черных лесорубов». Вот в этих условиях и пытается выжить и кабан, и тигр, и другое зверье в Приморье и Приамурье.

В 80-е годы, хотя и очень запоздало, спохватились, стали пытаться сохранять наиболее продуктивные угодья, создавая «орехово-промысловые зоны», предназначенные для устойчивого поддержания урожаев и зверья.

Что ж, напоследок в разговоре о кабане, пожалуй, следует сказать о ценности кабаньей желчи. У охотников Дальнего Востока (русских, китайцев, корейцев) желчь диких кабанов, наряду с медвежьей, пользуется высоким спросом.

Утверждают, что в ряде случаев при лечении болезней печени, желудочно-кишечного тракта, поджелудочной железы, экстракт желчи кабана действует очень эффективно, радикально меняя клиническую картину болезни.

Поэтому корейские и китайские купцы скупали кабанью желчь по довольно высокой цене как и до революции, и в постсоветские времена, скупают и сейчас.

Обработка, консервирование, хранение и применение желчи диких кабанов проводятся тем же способом, что и желчи медведя.

Более того, для интересующихся отмечу, что по своим размерам желчный пузырь крупных кабанов почти не уступает медвежьему.

При консервации желчь кабанов так же темнеет, как и у медведя. Консистенция содержимого желчи кабана более жидкая, чем у медведя. Цвет коричневатозеленый, вкус горький, запах специфический.

Легендарный знаток дальневосточного охотничьего ремесла Валерий Янковский наставлял: пока желчь выпаривается, пустой желчный пузырь необходимо слегка подсушить над огнем, соскоблить и удалить излишки пленок, жира и прирезей мяса, размять руками до состояния полусухого эластичного мешочка.

Затем всему пузырю вместе с помещенной в него затвердевшей желчью придают форму плоской котлетки и перевязывают прочной нитью. Излишки пузыря отрезают, и товар готов.

Теперь смело ищи китайца-перекупщика и продавай, а особенно хорошо пойдет, если добавишь инородцу корешок-другой женьшеня и соболей.

Отметим, что прошло столетие, а профессиональный совет ни в чем ни устарел, ни в практичности самого способа заготовки, ни в маркетинге. Наши соседи китайцы все так же рачительны, предприимчивы, активны и своей выгоды никогда не упустят.

Удачи всем, кто собирается отыскать своих секачей...

ОЛЕНЕБОЙ

Огромный скальный выступ полностью закрывал перспективу. И только лишь сильно откинувшись назад, можно было заметить полоску белесого зимнего неба.

Перед глазами змеились неглубокие расщелины расстрескавшихся глыб вулканического происхождения, видны были неровные пятна бурой слежавшейся почвы, слегка похрустывающий слой сухих дубовых листьев, щетки прошлогодней высушенной травы и неглубокий слежавшийся снег...

Филик вздохнул, обернулся, поглядел еще раз по сторонам и в который раз терпеливо поправил сползающий ремень «чешки».

«Потерял», - прошептали его потрескавшиеся от мороза губы. Уже понимая, что это правда, он все же, вновь и вновь, пристально вглядывался с высоты своего ста восьмидесятисантиметрового роста в лесную подстилку

Глубокая усталость тут же напомнила о себе, ссутулив плечи под совсем легким таежным рюкзачком, отдаваясь ноющей болью в остывающую от морозца поясницу.

Наша планета – это лесная обитель!

Земля, наша планета удивительно отсвечивает бирюзой при взгляде из космоса. И если большей частью планеты владеет Мировой океан, в котором привольно чувствуют себя самые крупные обитатели его - киты, то большая часть суши занята лесами, и самыми крупными

лесными обитателями были когда-то мамонты, а ныне их очень дальние родственники слоны.

Но не слонами славятся леса, а оленями. На всей территории планеты леса создают замечательные условия для их заселения оленьими.

Четыре десятка видов оленей суммарно составляют мировое семейство оленьих, их общая численность даже ныне превышает миллион голов. Совсем не случайно человеку казалось, что нельзя истребить оленей, они были и будут всегда!

Где же он? Куда подался? Может, проскользнул вниз по ключу, когда я переходил темную, негромко и таинственно журчащую в зимнем студеном воздухе, воду.

Да, на зеленовато-матовой наледи, конечно, не осталось ничего, что могло бы указать на отворот следа лесного проходимца. Да, именно с этой ложбинки я потерял из виду редкие рубиновые капельки крови, которые мне давали уверенность в преследовании и надежду на скорую встречу.

Интересно, где и как он должен был протиснуться в «прижимчике», в чащобе лимонника и леспедыцы. И еще между березами ... везде там чисто. Ни намек на бурую полосу подсыхающей крови.

А ведь должен быть измазать боками. Как он вообще протиснулся...?

Все более замедляющие лихорадочный бег мысли-мыслишки таежного сыскаря-преследователя уже не били кувалдой, а лишь легонько «постукивали под темечком».

Охота на оленей – давняя традиция, наверняка, ведущая отсчет практически с того самого момента, когда древний человек сообразил взять в руки камень, чтобы добыть себе пропитание.

Загонная охота, ямы-ловушки, дубины и копья... арсенал и умения охотников прирастали, копился обменный общинный опыт успешных охот, рождались и передавались потомкам охотничьи хитрости и способы убивать, добывать, приносить своим семьям добычу.

Крупные звери вымерли. По геологическим меркам в одночасье, а по нашим зоологическим, собственно и не знаем, сколько лет прошло.

Охота на оленей еще три столетия назад была исключительно привилегией короля, он от своих щедрот раздавал своей знати земли и замки, обязательной составляющей таких подарков была и дичь.

Сами венценосные правители оставляли себе, ревниво берегли лучшие охотничьи угодья, ограждали надежно свою дичь от посягательств браконьеров, и устраивая для себя и приближенных роскошные охотничьи вылазки.

К XX веку на всей планете монархии превратились в символы, и охота на оленя стала доступна каждому человеку, если у него в груди пылает охотничья страсть, а сами он способен заплатить вполне разумные деньги за эту охоту.

Впрочем, следуя масштабным примерам, оставленным всем европейским наследникам латинян благородные французы и англичане, в отличие от не пресыща-

ющихся кровью римлян, старались охотиться на оленей красиво.

Так через многие сотни тысячелетий просвещенным монархам средневековой Франции и Англии осталось совсем мало завидных трофеев.

Немало послаблений сделано простолюдинам: хотя в демократичной объединенной Европе браконьерство остается незаконным видом деятельности, на ближайшем суку за нелегальную добычу дичи уже не подвешивают.

Филик перестал наконец то топтаться на одном месте. Тьфу, устал уже пялить глаза. И куда только исчезло это рогатое отродье?

Глянул на часы. Роскошный, представительского класса Трайзер приветливо-услужливо подсветил зеленоватыми тритиевыми ребрами цифр. Шесть часов. Да, подзадержался, а до зимовья еще километров семь, если по дороге тащиться.

Нет, конечно, здесь я на этот крутяк не полезу, а вот, помнится, метрах в трестах ниже могу я выйти прямо к волоку, который приведет меня в Рябининский. Свой ключ, знакомый и родной, час подниматься и половину от того спускаться по волокам, а там и избушка наша ждет.

Дымком и очень уж вкусной кашкой-юшкой, что Бочар готовит, подманивает.

Изюбрь, марал, хангул, все это специфические имена-названия одного и того же вида оленя. В каждом из названий присутствует смысл «БЛАГОРОДНЫЙ».

Следы бегущего зверя располагаются красивой четверной «четкой». Спускаясь с горы и во время бега

олень может раздвигать копыта, в узких же местах, их пальцы сомкнуты. Следочки получаются, как нарисованные.

А почему именно этот вид оленя считается благородным?

Скорее всего, зоологи учитывали исторические примеры королевских охот в Европе.

Генетики утверждают ныне, что один и тот же вид оленя исторически расселился и заселил весь огромный континент Евразии.

У владык Востока олени забавы-охоты тоже были в большой чести. И то, ведь олени – невероятно красивые животные. А красота притягивает, привлекает людей. В Средней Азии олени сохранились, спаслись от преследования людей только в самых непролазных местах.

А там это невообразимые кущи, сотканые из колючей проволоки ежевики, жгутов тростника, скрепленные сухими вязками долинной травы и сцементированные высохшим речным илом.

Голова удлинённая, у самочек изящно лежит на гибкой шейке, самцы же гордо несут корону ветвистых рогов. Диву даешься, как с таким украшением можно передвигаться по лесу через непроходимые на человеческий взгляд заросли.

Убежден, что охотником на оленей люди не рождаются, ими становятся! И такой путь «оленебоя» у каждого свой, особый, неповторимый.

Именовался всегда - Женечка, Жека, Женя, Евгений... еще попозже стали называть с добавкой «Ивано-

вич». Ведь по мере взросления у нас меняется не только жизнь, но и имечко, корректно отображая наше социальное движение по жизни.

Мама и папа – студенты, заняты по большей части учебой да друг другом. Женек, рос с детства послушным и любознательным мальчонкой.

Деды, дядья, братья... мальчишка все свое малое время проводил на Ярославщине. А там истоки великой русской реки Волги, которая рыбой до сих пор не обеднела еще.

Охотничьим Эльдорадо назвать те места не получится, но, собственно, рыбалка – это тоже своеобразная охота, это да, не отнимешь! Но добыча рыбы – скорее все же будничным промысел или нужная в селе неофициальная работа.

Во всякое время года, в отличие от сельского хозяйства, не оставляла без улова сельских мужиков Волгаматушка, «русская кормилица», «владычица» земли русской.

Посижу еще чуток, размышлял Филик, чай уж разводить не буду, осмотрюсь да побреду себе помалу до зимовья. Плечом повел, поискал, как ловчее скинуть «гнидничек»⁴.

---

⁴ В этой охотничьей команде так назывались все старые небольшие походные рюкзаки уже неузнаваемого фасона и происхождения – прим. ред.

Приподнял ореховый приклад карабина, сдул крохотную снежинку со ствола. Бережно, привычно-аккуратно поправил стемель затвора.

Глянул на быстро темнеющий полог леса и вновь задумался, как бы качнулся мыслью в прошлое, улетел в свои воспоминания, никак все еще не выбраться из милого детства.

Оленей можно назвать «лучшими» в прокладывании новых троп.

Их природная осторожность вместе с особым умением нести на голове огромную корону рогов вырабатывает особый стиль передвижения этого зверя.

Короткий «текущий» шаг, частые остановки, плавные движения головы, шеи, туловища.

Надо еще учитывать, что основные передвижения зверей происходят в сумерках и ночью. Так что услышать, да и увидеть такого зверя в диком лесу может только настоящий охотник!

Олени – это мечта охотников. А об охоте всегда стоит замолвить доброе слово!

Женя помнил свою детскую дорожку к охоте. Только глаза стоит прижмурить по-особому и появятся картинки...

Чертополох полей, хрумкие кочаны капусты, забытые прихваченные первыми морозами колхозные морковки. Угодья эти, как магнитом, притягивали длинноухих зайчишек, за ними тянулись и лисички.

А сельские охотники таких, как-то его, Женины, родичи, любили свои простые и немногие охоты, и малыш

со своего горшечно-подстольного возраста обожал торчать рядом, участвуя в сборах охотников.

Сыромятные самодельные патронташи, медная краснота капсюлей тускло мерцающих в шляпках латунных гильз, угольно-черный порох в сероватых пачках, сизая и не всегда идеальная круглая дробь, сложная рычажная конструкция прибора для запрессовки капсюлей, пулелейки...

Для оленей, большинство растений в лесу съедобно, они превосходные «ботаники», с легкостью разбираются, где и что найти, чтобы было повкуснее. По этой причине питание оленей сильно меняется по сезонам года.

Зимой, когда выпадает глубокий снег, зверям может быть очень нелегко, тогда становится не до деликатесов – выжить бы, сохранить себя и потомство.

Тайгу начинаешь понимать, когда первый раз встаешь на зверовую тропу. Сама тропа в тайге очень много расскажет пытливому уму и зоркому глазу.

Лесная летопись пишется годами, десятилетиями, столетиями. Нередко можно понять, что то, где ты идешь сейчас уже не дорога, это – настоящий путь, а ведь бесцельных путей не бывает.

Женя считал себя очень опытным и бывалым охотником. Наверное, в первый раз он для себя это понял, когда добыл первую утку из охотничьего ружья отца. Потом зайчик, куропатка, дикий голубь.

В студенческом возрасте, вместе с отцом и с его друзьями, Женя с азартом стал участвовать в загонных охотах на косуль-козлов.

И на всю жизнь врезалось в память то мгновение, когда от меткого выстрела упала первая коза. Восторг, ликование, азарт... непередаваемые для неохотника эмоции и чувства.

В Приморье в многоснежные зимы олени спускаются с гор, и превосходно разбираясь в топографии. Они охотно посещают места недавних вырубок, забираются и «прочесывают» южняки, разыскивая солнцепеки, где снега поменьше, а корма бывает побольше.

Звери выходят к автомобильным дорогам, подходят очень близко к населенным пунктам, сенокосам, полям, копытят засохшую траву и тонкий лесной подрост по лесовозным волокам.

В таких местах встречи с человеком оказываются практически неизбежными...

Зверовыми затруднениями успешно пользуются браконьеры, внимательно высматривая из окон своего транспорта блеснувшие в отсвете фар зеленые глаза копытных. Увидел, остановка, бах и готово!

Далее следует быстренько кинуть добычу в багажник или кузов, или убраться с дороги, чтобы ошкурить да поделить.

Закончив институт, Женя стал врачом и моряком. Дальние рейсы, заморские страны, подружки и дружеские попойки занимали все свободное время.

Время текло, как казалось тогда, очень весело, всего было с избытком, много интересного, жизнь удалась!

В Советском Союзе официально старались культивировать предсказуемость и гарантированность жизни своих граждан.

Создавались традиции, которые были сильнее инноваций, и для большинства из нас равенство и братство было сильнее неутолимой жажды стать состоятельным.

Морячество – особая тема, за многие тысячелетия покорения морей психика морского человека изменилась меньше, чем у сухопутного.

Все просто: много работы – большой заработок – хороший отдых, и на новый круг.

В начале 90-х выдался у бравого судового врача длительный моряцкий отгул, сходил с трапа – был уверен, что все можно будет успеть за полгода отпуска.

Полно было ожиданий, но не все они оправдались. Как можно было предвидеть, что он - успешный врач и лихой моряк превратится за короткий срок в зрелого, разумного охотника-зверовщика.

Олени – отличные бегуны и прыгуны, при галопе способны совершать прыжки до пяти-шести метров. Они прекрасно приспособлены к горам. Могут выживать при

постоянном зимнем снежном покрове, в безводной пустыне на пятачках оазиса, в лесостепи.

XX век от Рождества Христова и для зверья оказался самым неординарным. Много перемен произошло с дичью, и оленей в местах их естественного обитания, осталось не так уж много.

Истребили, вырубали леса, застроили человеческим жильем и дорогами. И если взять всю огромную Евразию, то меньше всего в их исконных местах, оказалось, представлены благородные олени.

Охоты у Жени-Филика сразу стали другими, точнее, внутренний зов, глаза и желания самого охотника кардинально поменялись.

Утки, фазаны, зайцы, козы... Эти охоты привычны, традиционны, и хоть интересны, но каждый раз почти «под копирку».

А как хочется по-новому. И, самое главное, пришло умение подмечать и менять для себя охотничье пространство, осмысливая и присваивая его себе через названия-прозвища.

Все для него стало понятным и предсказуемым, например, на Приханкайской низменности. На краю рисового поля за селом Новосельским как-то раз поменял батарейки в стареньком своем фонарике.

Зорька оказалась успешная, добычливая, для памяти взял и назвал приметный чек – «батарейками».

Успешный загон на коз в Хасанском районе, рядом с перевалом, там еще надо лезть на крутую сопку... Пожилому компаньону тяжело брести вверх во время загона...

Ну, никак не мог он обойтись без таблетки под язык. Сопка получает неофициальное название «Валидольная».

Как всегда неожиданно, произошли вдруг перемены. Первое – исчез с политической карты Советский Союз, а второе, в их слаженной охотничьей компании появился молодой, но знающий охотовед-научник.

И где-то там «наверху» было решено, что пришло время Жене стать настоящим таежником. Новым гуру для Жени стал охотовед, быстрый на поступки и решения, он осмотрелся, прикинул что и как является «охотничьим потолком» честной компании...

Женек от него получил неожиданное приглашение. «Не хочешь ли ты, мой друг, поехать на настоящую охоту»? Ту, что бывает в реальной тайге, а не в этих ваших общественных угодах, где не протолкнуться от охотников, как в магазине, где отоваривают талоны на водку...»

Женя согласился, был перекрещен в Филики, так он сделал свой первый шаг на тропе оленебоя...

ТИГРИНАЯ ОХОТА

Как в кроссворде. Или в Великой книге верующих. Вначале надо создать слово!

В этом слове имеется четыре буквы. И их можно раскрыть-обозначить в формате трех «Т».

Тигр – самая крупная контрастно-окрашенная кошка. Каждая особь этого вида имеет свое сочетание черных, белых и рыжих полос и пятен.

Тигр – рекордсмен среди крупных млекопитающих Евразии. По своей мускульной силе, дикой энергии и особой мощи крупного хищника он не имеет себе равных на самом большом континенте мира.

Тигр – лучший охотник среди кошачьих мира. Он способен добыть себе пропитание в любых ситуациях.

Не теряется в самых опасных ситуациях, способен выжить в любых зарослях, там где обитают любые другие живые существа.

Четвертым «Т» может быть добавлено к этому и собственное персональное любого каждого из нас – мнение.

Тигр – незабываем, кто его видел «вживую» – согласится, что он привлекает, притягивает и пугает...

Весьма впечатляют размеры тигра. Общая длина его тела может быть и 160, и 220 см. Отметим, что все это великолепие измеряется без учета длины его хвоста. Вес его очень различается у разных особей и может приближаться к трем сотням килограммов.

Хвост его великолепен – толстый, пушистый, сильный, упругий, превышающий в длину 1 м.

Взрослый сидящий зверь напоминает увеличенного в сотню раз домашнего кота. Ночью тигриные глаза отражают свет и случайно засвеченные, в свете фар мерцают глубоким изумрудным отливом.

Амурский тигр – единственный хищник, живущий в условиях суровой и длительной зимы.

Он пугает своим взором, в котором днем отражаются ослепляющие отблески солнца, глаза тигра «золотой осенью» подобны сиянию червонцев царской чеканки.

Амурский тигр – это российская национальная гордость. Президент Владимир Путин успешно использовал этот уникальный природный символ в мировой политике.

Он смог найти нужные слова, назвав тигра одной из сохраненных ценностей, унаследованных Российской Федерацией от прежней великой державы.

В мировом масштабе следует понимать, что амурский тигр – это единственный подвид, который еще обитает, хотя и частично, в дикой природе.

Сейчас только в России его популяция сохраняется в пределах бывшего ареала. Все остальные подвиды человеком вытеснены с исторически заселенных тигром мест.

В условиях российского Дальнего Востока тигр естественно обитает в относительно малокормных малонаселенных людьми по мировым меркам охотничьих уголках.

За многие тысячи лет существования амурский тигр прекрасно приспособился к холодным и снежным экстремальным условиям.

На Сихотэ-Алине, в пределах большей части тигриных местообитаний, зимой высота снежного покрова достигает 60 см. Это измерялось на ровной поверхности, расщелины же гор могут быть забиты снегом высотой три и более метров.

Низкие зимние температуры не влияют заметно на жизнедеятельность тигра, но заставляют его быть энергичным и предприимчивым.

Свои временные лежки он устраивает прямо на снегу, где может находиться по несколько часов кряду, хотя температура воздуха в этих местах падает до -40°C .

При многоснежье, рутинно перемещаясь по участку, тигры охотно используют тропы кабанов, лесовозные дороги, путики охотников, следы лыжни и колею снегоходов.

В таких условиях степень адаптации хищника к сложным экологическим условиям настолько высока, что тигр может сосуществовать с человеком неограниченно долгое время.

Но так ли это? Рассмотрим некоторые условия его жизни.

Выживание живого существа всегда зависит от его базовых потребностей. В простейшей модели их будет всего три: пища, безопасность, потребность в воспроизводстве потомства. Основа питания амурского тигра составляют кабан и изюбрь, а в южных районах пятнистый

олень. Все эти виды - завидный объект охоты и для человека.

Амурский тигр выходит на охоту днем, бывает очень активен в сумерках. Нередко он бродит и сутки напролет, так как в ночное время эта кошка видит великолепно.

Встречи человека и хищника бывают в любое время суток, но чаще человек может увидеть хищника днем. Ночью и в сумерках увидеть тигра – очень редкий случай. И неизвестно, к удаче это или совсем наоборот.

Намеченную жертву тигр осторожно караулит, мастерски скрадывает, затем настигает стремительными прыжками. Жертва, настигнутая им, вырывается редко, поскольку тигр невероятно силен, цепок и разворотлив.

Впрочем, бывают и очень курьезные случаи. Ранней осенью тигр напал днем на собаку. Дело было в «сердце уссурийской тайги», близко к истоку реки Уссури. Там опытный охотовед, знаток тигров, специалист по их учету, страстный охотник показывал молодой суке самый обычный объект для промысла – белку.

К слову, осенняя тайга в Приморье великолепна, воздух свеж и прозрачен, солнечно, тихо.

В погоне за белками очень быстро и почти незаметно пробежал день, но сумерки еще не наступили.

В красивом месте, по всем правилам, охотоведом был быстро спроворен костер.

И в тот самый момент, когда уже из рюкзака был извлечен кусок сала, а для собаки взят заветный кусок копченой колбаски,...случилось непредвиденное... Тигр

внезапно выпрыгнул, одним движением пытаясь сграбастать очень вкусную для него лайку.

Все это происходило в светлое время, при разведенном костре и вблизи охотника, собравшегося испытать чайку.

Но... тигра постигла редкая для него неудача.

Как я написал выше, собака была молодая и верткая. Про таких всегда говорят – шило в одном месте. Она беспрерывно двигалась, ковыряла носом жучков, пыталась стащить, что плохо лежит.

В тот момент, когда тигр приготовился к прыжку, собака что-то почувствовала, резко кинулась к костру. Тигр прыгнул. В каком-то невероятном финте лайка извернулась в воздухе, пронзительно взвизгнула, дернулась от внезапно пронзившей ее боли... и убежала.

Это был не бег, а скорее чемпионский спурт.

Гигантскому страшному, просто ужасному лесному коту догнать и поймать проворное существо сразу не удалось.

Опомнившийся охотник вышел из ступора, схватил карабин, выпалил весь магазин куда-то в кусты, при этом оглашая дикими криками окрестности. Надо полагать, тигра это отпугнуло.

Долго искал своего четвероного друга таежник, кричал до хрипоты, постепенно с горечью сознавая, что все же сумел догнать беглянку ушлый кот, совсем не в их повадках бросать столь лакомую добычу.

Все же случаются и чудеса. Уже в глубоких сумерках, вернувшись к джипу, охотник никак не мог решиться уехать с печального места.

Понуро взобрался в машину, запустился движок, и вдруг... в свете фар джипа охотник заметил какое-то движение, что-то мелькнуло. Быстро выскочил из машины, и увидел серо-белое с пушистым хвостом родное существо.

Кожа на животе у собачки был распорота, как острым ножом почти по всей длине. Глубокая рана-прокол от тигриного когтя кровоточила у основания хвоста.

Собака скулила и дрожала, тихонько повизгивала.

Схватив в охапку, завернув в дерюжку, охотник бережно положил собаку в машину и стремительно покатил искать фельдшера-ветеринара в ближайший рай-центр.

Собаку спасли, она отделалась глубокими царапинами, которые заживали долго, особенно рана у основания хвоста.

Эта собака жива и здорова сейчас, бывает в тайге, но ее отличает редкая для лайки «вдумчивость». Она очень внимательна к тигриным следам. Если прошел полосатый, то она уже не пойдет в поиск.

Да и сам охотник стал значительно осторожнее. По возрасту да и по здоровью перестал рыскать по следам полосатых кошек как это делал всю свою охотничью жизнь. Трудно стало бродить по горам.

Душа тосковала, не смирялась, гнала в тайгу. Пришло время для нового.

Стал ловить карасей, выходить на резиновой лодке в море за камбалой и навагой, обманывать резиновыми чучелами диких уток, выгонять из густых зарослей фазанов, караулить гусей....

Дальневосточный (или амурский) леопард – самая редкая крупная кошка евразийского континента.

Научное название на латинском языке – *orientalis* (восточный) как указание на его обитание в горах Восточной Азии.

Известный советский зоолог Владимир Гептнер предпочитал называть этого леопарда по-старорусски – маньчжурский барс. И это название совершенно не случайно. Русские казаки встречались с этим удивительным хищником, хорошо знали опасный нрав его, уважали его.

Леса, горы, морское побережье, маньчжурские степи... были полны опасностей.

А еще хунзузы-разбойники, рыскающие как у себя дома по малонаселенным, богатым и привлекательным местам уссурийской тайги.

Красивую кошку стремились подкараулить многие. Нелегальный ее отстрел местным населением, военными и работниками оленеводческих хозяйств продолжался больше столетия, вплоть до 80-х годов прошлого столетия.

20, 30, 40, 50, 80... это те «штучные» цифры, что называются различными исследователями в разное время по прошлой, настоящей и будущей численности амурского леопарда на территории России.

Впрочем, даже те цифры, что приведены выше, дают представление о том, как мало осталось в исконных местах обитания этих уникальных пятнистых созданий.

Особенно если вспомнить, что в мире, по приблизительным подсчетам ныне живет 250 тысяч леопардов.

На протяжении нескольких десятилетий продолжалось интенсивное падение численности и популяции этого удивительно симпатичного хищника.

На самой восточной окраине России к началу XX века ареал леопарда был фактически разорван. Взгляд на карту дает наглядное представление, насколько мала современная территория – «Земля леопарда». Это небольшой горнолесной треугольник в несколько сот квадратных километров, стиснутый между южными отрогами Сихотэ-Алиня и Северо-Восточным Китаем.

Главной причиной сокращения численности этой привлекательной кошки была коммерческая охота в первой трети XX в.

И неудивительно, что большинство известных российских охотников-трофейщиков с огромной завистью поглядывает теперь на фото известнейших дальневосточных переселенцев-охотников Янковских 1930-х годов с добытыми барсами.

Как в годы укрепления советской власти на Дальнем Востоке, так и после исчезновения большевистского государства, в беспокойные 1990-е годы, как и столетием раньше, судьба дальневосточного леопарда оказывалась перед наибольшими угрозами.

Эти периоды были временем катастрофических перемен, когда нелегальные лесозаготовки и массовая продажа российских биоресурсов неким не контролировались, были неинтересны на фоне всеобщего метания враз обнищавших российских и бывших советских граждан.

Граница была не просто приоткрыта для бизнеса, фактически она не существовала. Беда не миновала и леопарда. Его коренные местообитания интенсивно рубились, сжигались, застраивались.

При отсутствии государственной охраны редчайший зверь подвергался мощному нелегальному преследованию с стороны человека.

Для добычи леопардов были все средства хороши. Это случайный отстрел при внезапной встрече в лесу, травля собаками (молодые особи особенно уязвимы), отлов петлями, капканами, ловушками-бочками и иными способами.

Особенно резкий антагонизм наблюдался между леопардом и новыми частными владельцами внезапно объявившихся оленеводческих хозяйств.

Кошки никогда не оставляли без внимания оленники, а хозяева рьяно защищали приобретенное за копейки бывшее когда-то государственным добро.

Интересно отметить, что глубоким исследованием леопарда ученые из академических институтов Москвы долгое время не занимались.

Не был приоритетным этот вид исследований и у известных дальневосточных специалистов-зоологов. И даже две диссертации по дальневосточному леопарду, ко-

торые защитили Дмитрий Пикунов и Виктор Коркишко, не разбудили любопытства столичных ученых.

Зато как только к началу нулевых годов начала меняться ситуация с финансированием, быстрым флюггером повернулся и вектор государственной политики. Тигра и леопарда стало очень почетно изучать, сохранять, разводить-интродуцировать...

Начался новый период, когда стали осуществляться масштабные исследовательские проекты и государственные работы по созданию охраняемых территорий для тигра и леопарда на юге Приморского края.

Зарубежных спонсоров потеснили вновь объявленные отечественные статусные фонды. В их руководстве значатся первые лица государства. Министр обороны Сергей Шойгу, руководитель администрации Президента Сергей Иванов, чиновники рангом помельче, но также весьма влиятельные. Да что там говорить, сам Президент РФ Владимир Путин и Премьер Дмитрий Медведев не забывают интересоваться судьбой уникального хищника, благо их государственные резиденции находятся в пределах территории коренного обитания дальневосточного леопарда.

Национальный парк «Земля леопарда», включивший в свою территорию старейший государственный природный заповедник «Кедровая Падь», федеральные заказники «Барсовый» и «Борисовское плато», частично территории охотхозяйств, были созданы «под леопарда».

В отличие от любых особо охраняемых природных территорий России считается, что в «леопардовом»

резервате, по кураторством самого В.В. Путина деньги «текут рекой». Во-многом это верно, достаточно лишь отметить, как быстро была создана новая инфраструктура парка.

Много внимания проблемам парка уделяют СМИ, активизировались научные исследования леопарда, качественно ставшие иными с началом активного применения камер-фотоловушек и регулярного дистанционного мониторинга.

Пионером и инициатором фотосъемки леопарда у привады стал известный дальневосточный фотограф Юрий Шибнев. Он придумал и начал использовать старые фотокамеры «Любитель-2». После его сенсационных кадров популярность «фотометода» взлетела на недостижимую высоту.

За рубежом метод «фотоловушек» был известен достаточно давно, постоянно совершенствовались технические устройства, росло мастерство видео— и кинооператоров.

Территория заповедника «Кедровая Падь» стала очень известна, здесь ведут съемки зарубежные фотографы и кинооператоры.

«Вывел» леопарда на новый политический и общественный уровень журналист и натуралист Василий Солкин. Он все последние десятилетия неустанно «с пером» в руке и камерой на плече защищал природу приморской тайги.

Его проект независимого экологического центра и одноименного журнала «Зов тайги» стал классическим в учебнике по экологической журналистике.

Можно отметить, что по леопарду неоднократно писались и переписывались научные стратегии и планы.

Их полезность несомненна. При всем этом меня продолжают тревожить несколько мыслей-предвидений.

Главных из них три: 1) ОХОТА и леопард; 2) ГРАНИЦА и леопард; 3) КИТАЙЦЫ и леопард. Выскажусь по ним по порядку.

Большинству жителей Приморского края хорошо известно, что в Хасанском районе, основном районе обитания леопарда, соотношение территории, где ведется охота на копытных, и там, где она запрещена, выстроено не в пользу охотников.

Природоохранные перемены последних десятилетий привели к тому, что под новые, особо охраняемые природные территории изымались значительные участки флотских охотхозяйств, что особенно верно в отношении «Нежинского» военно-охотничьего хозяйства.

Следует отметить, что это - одно из давних охотничьих хозяйств, принадлежащих военным охотникам. В советское время там не было проблем с набором и оплатой полного «европейского» штата егерей.

Всегда ощущалась масштабная помощь со стороны действующей армии и флота. В хозяйстве была создана и поддерживается до сих пор относительно приличная инфраструктура.

Подводникам после дальних походов, морпехам и высшему офицерскому составу была гарантирована хорошая разрядка на природе после суровых военных будней.

В постперестроечное время в военных охотхозяйствах существенно пострадали возможности проведения коллективных охот на кабана, оленя, изюбря, косулю столь желанных и любимых военными.

С сокращением территории существенно уменьшились квоты добычи копытных животных, снизилась успешность самих охот, ухудшились организационные условия проведения самой охоты.

Естественно, плотность диких копытных на юге, как, впрочем, и на всей территории Приморского края, не является «оптимизированной». Если судить по заявлениям охотников, они «обделены» хорошими возможностями добыть зверя.

Больше появилось объективных причин для нарушения правил охоты. В угодьях, где обитает леопард, официально запрещено применение собак, которые не только причиняют много беспокойства, но и при определенных условиях вполне способны загрызть молодую особь леопарда.

Важным фактором, который никак не учитывается ни в планах, ни в стратегиях сохранения леопарда, являются фактически существующим конкурентные отношения между человеком-охотником и хищником-леопардом.

Обеим «сторонам», нужна удовлетворяющая их потребности достаточная добыча – пятнистый олень, ко-

суля (похожая ситуация с тигром, которому правда больше «милы» изюбрь и кабан).

Охотпользователи в своих отчетах по результатам учетов и отстрелов показывают те цифры, которые им нужны, чтобы получать достаточную квоту добычи дичи. Вполне понятно, что «по бумагам» видится картинка, что «звери прохода не дают», фактически на большей части доступных территорий зверь «выбит подчистую».

Впрочем, не все так однозначно. Еще в советский период отчетливо проявилась в «Нежинском» хозяйстве проблема избытка плотности населения пятнистого оленя, который буквально подчистую обстриг всю древесную поросль в своих излюбленных угодьях.

Эта проблема хорошо знакома по оленесовхозам, где в пределах огороженной территории пятнистые олени полностью объедали весь древесно-веточный корм везде, куда смогли дотянуться.

Попадая в такие дубняки на территории оленепарков, в некоторых местах морского побережья, на островах, видишь, что леса стали настолько прозрачными, как будто нарисованы гигантской кистью живописца.

Очевидно, что конфликты между законопослушными (подчеркиваю это) охотниками, любыми охотпользователями и природоохранными организациями и фондами неизбежны и вряд ли могут быть устранены сами по себе.

Военные в Приморье будут всегда, военно-политические приоритеты неоспоримы, отдых, как и

деньги, защитникам Родины необходим, следовательно, нужна особая забота и внимание данному вопросу.

Скорее всего, требуется изменение условий ведения охотничьего хозяйства, подобно богатым частным угодьям, где активно применяются современные биотехнические мероприятия с целью увеличения численности охотничьих животных.

Научные рекомендации для таких территорий должны быть адекватно-обоснованными. Помимо существующих общероссийских нормативов, правил и норм должны учитываться еще и размеры изъятия копытных животных вследствие хищничества тигра и леопарда.

Обсуждая проблему сохранения леопарда, следует отметить, что существуют препятствия, «подводные камни», которые напрямую не зависят от охотников и охотоведов.

Я имею в виду тенденцию непрерывного антропогенно-обусловленного изменения природной среды в местах обитания леопарда.

Исторически, переселенцы еще полтора столетия назад стремились выбрать для себя лучшие места, нещадно сводили леса, боролись всеми способами с природой, отводя ей роль «злодейской» среды наряду с хунхузами – китайскими разбойниками.

Замечу, что точно такая же практика отмечалась на противоположной стороне Тихого океана в США, где завершился период освоения ихнего «Дикого Запада».

Но в новой стране свободной стране Америке – родилась идея о такой же свободной земле – «дикой природе».

С осознанием того факта, что много уже безвозвратно истреблено и разрушено, родилась концепция практического сохранения дикой природы, актуальность которой ныне чрезвычайно.

Например, тогда (как и сейчас) обычная практика у местных жителей - это привычка устраивать палы-пожары в сухие осенние и весенние сезоны.

Местные жители хотят побыстрее выпутить домашний скот на природу, стремятся подготовить солнцепеки, где вырастет быстрее папоротник, стремятся подчистить сенокосы... В каждом таком случае самое простое средство – это поджечь старую растительность.

Поэтому «Земля леопарда» полыхает ежегодно, иногда весьма интенсивно, с захватом огромных лесных территорий. В огне погибают кладки птиц, сгорают мелкие и даже средние звери, исчезают многие виды растений, обгорают и засыхают деревья...

Хасанский район – главная рекреационная территория в летний период. Этот район успешно самоорганизуется под задачу максимально комфортного обеспечения отдыха приморчан и хабаровчан.

Ныне немалая часть жителей Юго-Запада Приморья живет полностью на средства от предоставления инфраструктуры и услуг сервиса. Например, бывшие водолазы, кто раньше работал на экспорте ежа и трепанга в Японию, ныне обеспечивают дарами моря отдыхающих.

И, наконец, наиболее специфична трансграничная проблема. Отметим, что пограничники на всей территории российского приграничья были и остаются одними из наиболее важных «игроков».

Хотя фактически все, что связано с границей заслуживает своего освещения как отдельная большая история.

Нужно вспомнить о контрабанде, о «ползучей» экспансии мигрантов и инвесторов со стороны ближайших соседей-государств – Китайской и Корейской республик.

Китайские скупщики являются наиболее привлекательными «партнерами» для охотников- браконьеров. С ними удобно иметь дело. Они не интересуются официальными документами на добычу зверя, за товар расплачиваются сразу на месте и в твердой валюте.

А средства за дериваты природного происхождения можно выручить весьма немалые. К примеру, в начале века кости тигра у браконьеров стоили \$20-150 за 1 кг, у перекупщиков их цена уже составляла – \$1000-5000. За границей этот же товар реализовали за \$10 000 и поболее.

Российские браконьеры очень гибкие в методах и направлениях своей работы. Стоило «государственным» китайцам «прижать» своих скупщиков дериватов, то добытчики с российской территории вместо костей тигра начали предлагать в массе лапы медведя в качестве пищевого деликатеса.

В зависимости от конъюнктуры рынка браконьеры, как положено рыночному бизнесу, быстро меняют свою специализацию.

Китайцы всегда были и остаются весьма предприимчивыми людьми. В постперестроечный период, с начала 1990-х гг. началось активное и массовое проникновение китайских граждан в дальневосточный регион России.

Россияне стали активными потребителями китайского ширпотреба. Ответно наметился хороший спрос китайцев на любые природные товары животного и растительного происхождения.

Востребованными у соседей оказались практически все виды продукции диких животных Дальнего Востока, вплоть до лягушек, но особенно ценится сырье, используемое в медицине.

Впрочем, ситуация быстро меняется. Ныне московский бизнес, прибравший все производственные активы в Хасанском районе Приморского края, вероятно, выгодно продаст свои активы китайским транснациональным корпорациям.

Последние десятилетия российские жители городов и поселков юга Дальнего Востока и Сибири в массе своей вывозят заработанные средства за рубеж, регулярно выезжая на отдых в китайские, корейские, тайские, вьетнамские курортные районы.

Немалая часть россиян среднего класса приобрела недвижимость у соседей, и даже пенсионеры продают

свои квартиры и уезжают в более для них комфортные места.

К сожалению, те южноприморские сельчане, что еще не спились и пока заняты в сфере услуг, не строят далеко идущих планов проживания на приграничной территории.

Представляется наиболее вероятным, что все плодородные южноприморские земли, которые уже сейчас полностью в теневой аренде у китайских владельцев, со временем полностью перейдут в китайскую собственность.

Рядовые китайцы не интересуются природой, но их государство начало создавать прекрасные условия для сохранения и изучения немногих оставшихся клочков дикой природы.

И результат не замедлил сказаться. Сотрудники национального парка «Земля леопарда» фиксируют многие случаи свободных переходов границы тиграми и леопардами.

Вероятность того, что не только люди, но и звери поменяют свое «гражданство», вполне реальна. В нашей стране, в условиях вероятной политической конъюнктуры и постоянных экономических кризисов, леопард и тигр могут очень быстро оказаться ненужными.

Со сменой руководства изменятся и приоритеты, охрана и исследования вновь окажутся забыты государством. Нет охраны и звери станут спасаться от преследования, меняя свои местообитания.

Те звери, что уйдут в Китай и Корею, скорее всего, исчезнут навсегда для России. Ведь наши соседи куда как

более предусмотрительны, скорее всего, они позаботятся о столь редких и ценных гостях.

В Китае существуют целый ряд тигровых ферм. На экскурсии в питомники ездят многие обычные люди, ведутся интенсивно исследования. Тогда зачем им лишние дикие звери?хлопотно, будут нападать на домашнюю живность.

Чтобы подчеркнуть реальное своеобразие ситуации с леопардом, да и вообще с «российским» владениями на Юге Дальнего Востока приведу, на мой взгляд весьма убедительный факт, приведенный дальневосточными специалистами по геополитике.

В тысячекилометровой окружности, вычерченной на условной карте вокруг города Владивостока с его населением в 626 тыс. человек, проживает более 300 млн. корейцев, китайцев и японцев.

Теперь вполне понятно, что сейчас существенно сдерживаются, но полностью еще не проявились последствия, объясняемые физическим законом «сообщающихся сосудов».

Очевидно и неуклонно ширится «переток» людских зарубежных излишков на российскую территорию. Пока что растет по каплям, а что будет через 15, 30, 50, 100... лет?

МЕДВЕЖЬЯ НАПАСТЬ

Семейство медвежьих хорошо представлено в России: белогрудый, бурый, белый... три совсем не сказочных брата этого вида населяют с юга на север всю нашу огромную лесо-горно-арктическую страну.

Ментально медведь близок нашей стране. Образ медведя как РОССИЯНИНа особенно был востребован в период «царствования» Бориса Ельцина.

С «медведем» раскручивались особые политические махинации, в «комплекте» с той же правящей партией «Единая Россия».

Однако видеть по телеящику карикатурно-писанный МЕДВЕпузик-образ - это одно. Понимать сердцем, что косолапый мишка - эмоционально близок русской душе, это будет уже совсем другой смысл.

В «охотничье-медийной» среде, в потоке обширной коммерческой рекламы, как и в статьях неспециализированных на охоте СМИ... тем более на форумах Интернет упоминания о медведях бывают нередки.

В публичном освещении «медвежьей» тематики в сети существенный «перекосяк» наблюдается в пользу обсуждений - как «поиметь» столь дорогой и престижный трофей.

Желательно, без особых затрат, хлопот, риска, но с полным почтением к заказчику-охотнику.

В современной прессе отражается, доминирует откровенный потребительско-коммерческий интерес к живому российскому символу.

Нередко транслируется смысл, что «медвежья напасть» заключатся в том, что зверя много, он вреден, опасен, не нужен в российских лесах. Так ли это?

Из истории хорошо известно, что медвежьи охоты в Европейской части, были в большой чести у зажиточных людей той прежней княжеской и императорской страны - Руси-России.

Высокородные правители, от князей, богатырей и бояр, живо интересовались этими зверьями. Они знали, где водятся медведи, исправно подсчитывали их число на своих «подведомственных» территориях.

Благородные дворяне оперативно узнавали о находках берлог в своих имениях, и такие вести вызывали большой интерес.

Пример показывало императорское семейство. В династии Романовых всегда были настоящие охотники. Царские охоты были частью светской жизни...

Это были великолепные охотничьи спектакли. Охоты были добычливы, но даже если общая добыча были велика, среди оленей, кабанов, косуль и прочих зверей выделяли особым образом медведей.

Медведь был вполне материален и обычен в той прежней повседневной жизни. Бояре носили медвежьи шапки и шубы как символ своего высокого положения.

Впрочем, среди купеческого сословия такие одежды скорее носили характер демонстрации богатства, власти, успеха.

Этот зверь участвовал в цирковых и домашних развлечениях. Помещики своих гостей, а цыгане прохожих ротозеев исправно тешили гостей и проделками прирученных мохнатых разбойников, что великолепно описано в российской литературной классике.

Медведь был всегда и остается царем зверей в русских сказках. Совсем иные взаимоотношения между зверем и человеком были в азиатской части России.

Казаки, продвигаясь к Тихому океану, рассматривали медведя как несомненную помеху в процессе расширения общей территории государевых земель.

Косолапый в понятиях казаков размещался где-то между недружественными иноверцами и слепыми стихийными силами природы.

Служивые люди и, по совместительству, промысловики к медведю относились с опаской, пониманием, без панибратства, но и без особого страха, уважения или приязни.

Везде на обширных пространствах Сибири, промысловые, торговые и военные люди к медведю относились как к явлению «среднему» по житейской неприятности.

Человек старается жить всегда и везде по своему усмотрению, в этом наше кредо, так человек хочет и стремится распоряжаться и природой.

При освоении ранее не заселенной территории первый и главный приоритет для человека - обзаведение жильем.

И лесоруб, и охотник, и рыбак должен быть в первую очередь обеспечен удобным и максимально комфортным жильем.

Баракы, зимовья, заимки, избушки... Их устройство простое и функциональное. Они строятся в удобных для промысла местах, вблизи источников с хорошей свежей водой, нередко-то бывают не очень-то красивы снаружи, но внутри обычно приятно удивляют необходимыми удобствами.

Обустройство жилья, хозяйства, быта, что у хорошего промысловика обычно бывает эффективно налажено, очень важно для успеха.

Когда у человека нелегкая лесная жизнь идет неспешно, продуманно формируется особая ритмика повседневных дел и занятий...

Это если не вмешивается какой-нибудь непредвиденный случай. Медведь один из таких непредвиденных факторов. Жилье человека в лесу быстро узнается, замечается и изучается лесным зверьем.

Человеческие намерения обосноваться всерьез и надолго, как правило, оказываются неприемлемым для благополучия и хорошего самочувствия местных медведей.

Хотя медведь по зоологической трофической классификации относится к всеядным животным, он не рассматривает человека (в норме) с гастрономических по-

зиций, но может сильно вредить человеку, занятому делом в тайге.

В поисках пищи зверь проявляет любопытство и к новым ранее неизвестным предметам, которые в природе оставляет человек.

Ему не нравится человеческое жилье, ведь самому медведю дом в человеческом смысле не нужен. И хотя зимнему топтыгин переживает в некотором подобии дома (в норме), его берлога, выбираемая со всем тщанием и серьезно обустраиваемая, не отвечает собственно понятию жилья.

Как и у всех озабоченных приходом зимы лесных обитателей, у медведя основным приоритетом является добыча пропитания. Медведь наперечет знает все свои кормные места, ищет новые, в которых бы его ждала хорошая добыча.

Непосредственно до залегания лесная жизнь медведя очень насыщена, хотя по человеческим меркам может считаться несколько однообразной. Финальный выбор берлоги осуществляется перед первым «фундаментальным» снегопадом.

Не тем легким снежком, который может выпасть и в начале осени, а тем, который закрывает сплошным и уже не тающим до весны покровом засыпающую зимним сном живую тайгу.

Справедливости ради стоит отметить, что нападения медведей на людей бывают редко, хотя невооруженные люди, если такое случится, эти короткие, иногда мгновенные эпизоды на всю жизнь.

Непреднамеренные встречи с медведем происходят в разной обстановке, нередко без непосредственного контакта.

Чаще охотники встречаются с последствиями того, что вытворяет медведь, навещая и разоряя охотничьи избушки.

Полностью разграбляя склады-лабазы, ломая бани, разнося в щепки сараи с инвентарем и особенно ульи пчел на пасеках, совершая иные безобразия и порчу таежного имущества, что, конечно, выводит из себя.

Как правило, охотники стремятся найти и убить такого зверя. Хотя справедливости ради стоит отметить, что сам современный человек нередко в лесу теряет свой человеческий облик, особенно в местах отдыха, или, наоборот, в своих серьезных делах типа газонефтедобычи, геофизической разведки, в военных играх и т.п.

Зверей стараются поймать специальными огромными капканами, устраивают клетки с привадой, применяют очень опасные ружья-самострелы. При этом напрочь забывается мантра о его миролюбии животного, и это несправедливо.

Доля растительной пищи в питании медведя в течение года бывает наибольшей. Все виды ягод, произрастающих в тундре, горах, на болотах и в тайге служат отличной наживочной пищей для медведя.

Богатые и доступные ягодники хорошо известны и местным жителям. И здесь возникает невыраженный конфликт интересов, скрытое и часто неизвестное самим

участникам соперничество в том, кто первым посетит богатое на ягоду место.

Нечаянное столкновение с медведем в ягодниках по шкале опасности - это один из «миролюбивых» типов контактов.

Летом часто встречаются в лесу с медведем грибники. Эти встречи с лесным хозяином остаются незабываемыми в течение долгого времени.

Другой вариант встреч типичен лишь для юга Дальнего Востока. Здесь существуют — панцуйщики-корневщики.

У китайцев – при поиске корня всегда звучит особое слово «Панцуй» как молитва, благодарность, выражение особой удачи, когда они находят женьшень.

Есть и русских, особая категория лесовиков - заготовители женьшеня. Это люди серьезные и имеющие большой опыт жизни в тайге.

У них бывает много интересных встреч и событий. Вот об одной из таких встреч мне и хочется здесь рассказать.

Этот эпизод имел место еще в период моей госпромхозовской молодости, во второй год моей работы в должности начальника промыслового участка.

Я тогда, чтобы отвлечься от скучных производственных будней, под любым предлогом стремился «отбрыкаться» от канцелярской работы и «улизнуть» в тайгу.

Исподволь я выяснил, что среди таежных занятий «корневка» или поиск дикорастущего корня женьшеня, самое выдающееся, как по сложности, так и по интересу.

Все это потому, что наиболее ценная часть женьшеня корень, хотя его ягоды и листья тоже очень ценятся в восточной медицине.

Но попробую объяснить по порядку.

Итак, женьшень – уникальный «обитатель» леса. Это целебное растение прячется в густой, почти тропической по европейским меркам, растительности, и при этом размещается очень локально, на пятачке.

Женьшень известен тщательным «выбором» своих соседей – деревьев и кустарников. Он избегает густой тени, и в то же время прямых солнечных лучей.

Это растение не живет (и это не оговорка, другое название женьшеня – корень жизни) в чрезмерно влажных, или, напротив, очень сухих местах, в общем, для него важен комфорт.

Он «консервативен», и зная особенности и признаки его произрастания знающий лесовик старается так построить свое бродяжничество, чтобы посетить наиболее перспективные места.

Все дни корневища проходят в тщательном поиске. При этом нужна предельная внимательность. Ведь не просто надо найти «траву в траве». Приходится постоянно пристально вглядываться в зеленое переплетение, пытаюсь отыскать капельки красных ягодок женьшеня.

Поиски обычно занимают несколько дней, а иногда недель, у кого сколько времени и терпения хватит. Забавно, что сейчас промысел этот полностью нелегален. Но чтобы избежать лишних сложностей, корневища с собой крайне редко берут оружие.

Когда ищут женьшень, приходится не только много ходить, нужно пробираться по негостеприимным густым кустарникам, взбираться по крутым склонам приморских сопот.

Нередко приходится идти по бурелому, раздвигая посохом травы. В спутниках у тебя - дождь, гнус, духота. Ноги сбиваешь, выворачиваешь при ходьбе поперек склонов. Руки все в колючках от элеутерококка и аралии.

Да, такие «походы» бывают утомительными.

Непросты они и психологически. Опытный корневищник, передавая собственный опыт и предания старины седой молодому напарнику, говорил: «женьшень не каждому дается, умеет он отвести и глаз.

И ум особо настроить. Как будто въявь слышишь: уходи мол, все равно ничего не найдешь, только время зря потеряешь.

Сделав это вступление, отмечу, что когда я выбрался в лес за корнем, у меня была в руке только палочка-посох, а за спиной тощий рюкзачок.

Свой карабин я оставил водителю. Тот увидев у ключа след медведя, наотрез отказался оставаться у машины без оружия. Правда, мой старый напарник охотовед был со своим верным помощником Барсом.

Итак, он идет с ружьем, а я – иду с палочкой. Каждый из нас идет своим путем, но мы иногда перекрикиваемся, одходим к друг другу, переговариваемся, перекуриваем, обмениваемся мнениями...

Практика таких сходок весьма принята в таких компаниях, ведь каждый корневищник имеет свой стиль по-

иска, двигается в свойственном ему ритме и стремится сохранить его как можно более длительное время.

Первый день был у нас удачный, мы нашли корешок-четырёхлистку. Поискали вокруг, но больше ничего не было.

Тем не менее и на второй, и на третий день возвращались мы на это место, прочесывали его вновь и вновь, не веря, что корень был всего один.

Вот на нашем «фартовом» месте мы постояли, покурили. Время было близко к обеденному, но мы решили побродить еще пару часиков.

Сошлись с ним почти сразу после выхода в одном из мест, где мы нашли корешок днем ранее. Выпили по паре глотков холодного чая, еще раз поискали, порыскали вокруг нашего приметного места.

Разошлись опять. И побрели своими условно-параллельными просеками-дорожками-трансектами.

Секрет успеха женьшенщика часто заключается именно в такой методичности. Не пожалеешь времени и ног, глядишь, еще корни тебе «в руки придут».

Мне показалось тогда и полста метров, как у меня выдался выдающийся шанс увидеть медведя, да не просто увидеть, но и решить одну из загадок.

С детства я задумывался - а как медведь спускается с дерева?

При этом почему-то представлял, как зверь перебирает лапами, поглядывает вниз, прижимает туловище к стволу дерева, в общем, спускается «чинно-благородно», держа на отлете свой округлый мохнатый задок.

Действительность была более прозаичной. Если по порядку рассказывать, то вначале я услышал какое-то, как мне показалось несерьезное рычание...

Оглянулся, взгляд разом, ухватил, выделил... На огромной «кедрине», на высоте не менее пятнадцати от земли из-за ствола дерева показался белогрудый медведь.

Вначале он мне показался каким-то несерьезным медвежонком...

Но это на фоне корейской сосны, которая достигает в свою перестойную пору пятидесяти метров высоты.

Гималайский медведь, или белогрудка очень большой любитель «кедровых» орехов и за ними забирается под самую вершину.

Но в тот раз, с учетом того, что я стоял ниже по склону, медведь вскоре очутился где-то очень близко-на одной линии со мной.

Услышав или увидев меня, а скорее, и то и другое, он начал быстро спускаться с дерева.

Это оказалось весьма неожиданно, хотя более красочно, чем в моих представлениях.

Мишка-галстучник просто разжал лапы и метров тридцать провел в свободном полете, в буквальном смысле вдоль смолистого шершавого ствола «кедра».

Короткий стук приземлившегося пятидесятикилограммового тела, и... в следующую секунду в трех метрах от меня пролетел черный болид.

Опешив от нереалистичности такой неожиданной такой картины, я автоматически вскинул к плечу посох-палочку.

Одновременно с ужасом уже понимая в этот момент, что нет со мной моего верного карабина. Я же самого оставил утром шоферу экспедиционной машины.

«Вовик, - б..., медведь!!!!», прокричал я каким-то сиплым голосом напарнику, который, как я полагал, должен был находиться метрах в ста от меня.

Было ощущение столбняка, «мушиного застревания» в варенье. Невозможно было не то что шагнуть, а просто сдвинуться с места...

Наконец, подошел напарник, успевший взглянуть на следы любителя орехов: «А знаешь, похоже, слухи про медвежью болезнь сильно преувеличены... Не такой уже он и слабак».

Я опустился на землю, подкосились ноги, я послушал: удирающего медведя больше не было слышно.

Мы захохотали и долго не могли успокоиться, вспоминая только, что произошло...

ХИЩНИК – ОН НЕ ОЛИГАРХ!

Грязный матово зачерненный отпечаток ступни на скомканном красном выдавшем виды суконном одеяле на грязном захламленном щелястом полу поражал воображение...

В контуры этой гигантской ступни-ступы легко поместилась моя нога, обутая в сапоги-болотники 44 размера.

Человека с такой ногой считали бы БОГАТЫРЕМ...

Но отпечаток этот принадлежал не человеку. Так отметился медведь, проникший в окно охотничьего зимовья и устроивший там незаконный осмотр и разор!

Август и сентябрь 2015 года в Приморском и Хабаровском краях выдались жаркими в буквальном и переносном смысле.

«Медведь переступил порог торгового зала»...

«Беременная женщина возле своего дома на улице, потеряла заколку из волос, когда на нее напал медведь» ...

«Бескормица наступила в тайге, и медведи вышли искать пропитание в поселках» ...

На страницах газет, в новостях ТВ, Интернете, на мобильных форумах... горячо обсуждались новости, главным героем которых выступал символ «Единой России» - бурый медведь.

Районные охотоведы, егеря, инспекторы «тревожных» антибраконьерских групп «сбились с колес», пытались вовремя отреагировать на сигналы граждан.

СМИ устраивали обсуждения и ток-шоу, приводили самые разные мнения экспертов, выясняли обычное – «Кто виноват?» и «Что делать?»

Впрочем, по мере наступления осени с ее обычным изобилием кормов ситуация разрешалась сама собой.

Медведи перестали появляться на улицах селений, а охотники получили рекордное число лицензий на отстрел.

Все вошло в обычное русло, но лишь до следующего раза. Основные причины произошедшего остались по-прежнему в тени.

Давайте рассмотрим ситуации, связанные с охотой на медведя в контексте осмысления деталей поиска и самого процесса добычи этого завидного трофея. Какова же специфика контакта охотника и зверя.

На крупного зверя стоит посмотреть как на естественного обитателя природы, занимающего в ней свое место, а также как на крупного хищника, обладающего внушительным смертоносным потенциалом, многотысячелетним инстинктивным знанием, умением и опытом выживания в местах, где нет магазинов и столовых, как у человека.

Важно взглянуть на медведя и как на «хозяина», проживающего у себя «дома» доминантного самца, владельца и защитника собственных угодий. По-своему уютно, неспешно, с достоинством.

Медведь является естественным и нужным экологическим звеном, «поддерживающим» природный порядок в долине реки, в тайге, в горах, на морском побережье.

Если мы рассмотрим описанную выше ситуацию с позиций того, что в 2015 году в Приморском крае и южных районах Хабаровского края был отличный богатый урожай ореха маньчжурского, корейской сосны, или «кедра», то следует задуматься над тем, а что оказалось нарушенным в естественной жизни природы?

Хороший урожай семян «кедра» – это праздник. Без всякого преувеличения это праздник для всех в лесу.

В такой год, еще по весне, опытный глаз таежника замечает на высоких конусообразных кронах кедров темно-зеленые бугорки, «зародыши» будущих крупных шишек. В течение лета, они растут, наливаются особой упругой силой.

Все обитатели тайги – прекрасные наблюдатели, и, то одна, то другая пичужка, пытается «попробовать на зуб» чешуйчатый быстро растущий плод, убеждаясь, что пока еще не время лакомиться таежным деликатесом. Но с сентября зеленые таежные «ананасы» начинают потихоньку созревать.

Шишки начинают падать, мягко ударяясь о еще не промерзшую землю, зарываясь в густую траву.

Вся животиная в лесу – от птиц-зерноядов и мышей-малюток до огромных медведей и гигантских секачей – все живое, способное разгрызть твердую оболочку вкуснейшего «кедрового» ореха, переключаются на обильный сытный, жирный, питательный, легкоусвояемый корм.

В такие продуктивные годы, охотнику бывает очень трудно обычным путем поймать соболя на приманку.

Суматошные белки кочуют по уцелевшим от лихо-го топора куртинам «кедра». Бурундуки шныряют повсеместно, трещат кедровки и снуют лихо мыши под ногами.

Каждый обитатель тайги сродни трудолюбивому крестьянину, полностью поглощен добыванием текущего пропитания и запасанием «хлеба насущного» впрок.

И не только зверье и птицы рады урожаю корейской сосны. Человеческие собратья, из дальних поселков и городов, бросаются в тайгу со всей неудержимой страстью.

Любыми способами, любыми средствами, на любой технике, не зная преград, стремятся заготовить «шишку».

Мой дружок, таежник с пятидесятилетним стажем житья в лесу рассказывал.

«Верись – нет, когда читал в детстве Джека Лондона с его золотоискателями Аляски, не мог себе вообразить в деталях, как может быть то, о чем он пишет?». «Ну, какая может быть лихорадка, кроме болезни, когда сутками ковыряешься в студенном ключе, промывая золотоносный песок?».

И продолжал, «ну, где тут будет нетерпение, азарт и страсти? А вот знаешь, пришло время, убедился сам, как это бывает».

Он показал на речку, и горячо заговорил: «Стою на речке, хотел поймать рыбешки на быструю ушицу. Смотрю, летят на городской таратайке, ты только прикинь на лайбочке и по нашим камням, выбоинам, корчам». С неподдельным восхищением добавляет: «Бля, ухари».

Помолчал, курнул, вновь заговорил: «Тормозят, выскакивают из тачки вдвоем, бегут ко мне. Не поверишь, в глазах черте что, горят, как угли: дядя, ну ты только под- скажи, где тут шишка то растет?»

Ухмыльнулся: «Сколько живу такого еще никогда не видел. День-ночь, полночь... Машин и людей стало как у дурака махорки. Ну, лихорадка, она и есть, только наша приморская, кедровая».

Да, многие предприимчивые люди получают в та- кие годы хороший навар с лесного прибытка.

Здесь ведь и делать то ничего особо не надо: наклонился, поднял шишку, положил в мешок – сто руб- лей, «как с куста».

Под любым «кедром» два мешка шишек можно бы- ло набрать минут за пятнадцать. Как же тут не залихора- дит любого предприимчивого человека?

Орех готовили все. Сельчане, горожане, мигранты. Больше всего «поднялись на орехе» перекупщики всех ма- стей.

Орех ведь мало того, что следует добыть и вынести в мешках к транспорту. Нужно размолоть, очистить шиш- ку, выщелочить драгоценное зерно.

Вот так и заработали себе на хлеб не только с мас- лом, но и с икрой, те, кто быстро ориентируются.

Изготовили, купили, привезли, поставили моло- тилки всех мастей. На ворота приклеили листок с корявой надписью «принимаю орех», и пошло-поехало.

Тонны и десятки тонн ореха собирались и обраба- тывались в каждой из деревень, в тех, где в окрестностях

еще остается изрядно изничтоженный по всему Сихотэ- Алиню «кедр» –кедровая сосна.

Весь урожай, за малым исключением, что прода- вался на рынках столиц Приморья и Хабаровского края, утек в Китай.

Можно было, конечно, при желании, сыскать «кед- ровые орешки» на рынках и в специализированных мага- зинах Москвы.

Появлялись орехи в некоторых городах Сибири. Но наибольшим деликатесом «кедровый орешек» бывает в ресторанной пище «на китайщине».

Мы еще пока сохраняем остатки некогда очень бо- гатой тайги, но весь урожай ее заботливо вычищается. И «уплывает» прямой дорогой в Китай.

Не только орех, но и многие другие наши природ- ные ценности: морепродукты, панты, медвежьи лапы, мед, женьшень и даже замороженные тушки фазанов.

После того, как в Китае были сведены природные леса, осушены болота, спрямлены реки, уничтожена жив- ность, наши дальневосточные соседи спохватились.

Со свойственным им трудолюбием и упорством ныне успешно заботятся о будущем своей страны.

А у нас государству не нужно, власти некогда, бан- киры и олигархи ищут сверхвыгоды, но не блага для стра- ны.

Из-за общей ненужности этим властителями и пра- вителям нашей природы, жлобской избирательности и тотальности выбора-разработки коммерчески выгодного «ресурса» нашими государственными деятелями, трудно

бывает тем, кто хочет чтобы оставалась и была доступная чистая девственная естественная красота природы.

Но вернемся к Китаю. Здесь ведут массовые посадки лесов, в том числе выращивают свои «кедровые» леса, взамен уничтоженных в лихие годы культурных революций.

Закупки «кедровых» орехов стимулируются китайским государством. Китайцы успешно «засыпают» крома своей родины ценным семенным и посадочным материалом, полученным за смешные цены, в соседней стране.

Ныне Китай хочет быть ни в дыму грязных производств, в стране много делается того, чтобы была восстановлена природа.

Да и немудрено стремиться, к таковому после того как была успешно решена государственная задача прокормить полтора миллиарда своих граждан.

И хотя пока им пока без ГМО, удобрений, добавок синтетики, бумаги и красителей в пищу не удастся полностью «закрыть» проблему питания, уже сейчас они стремятся к чистой экологии.

Рассматривая весь мир как свой глобальный рынок китайцы стремятся больше продавать своего искусственного, и больше завозить естественного.

По крайней мере, богатые «новые китайцы» вполне способны платить хорошие деньги за хорошую пищу.

Но Бог (и Мао) с ними, с китайцами. Важно осознавать другое. Тайга сибирская и дальневосточная оскудевает нашими российскими усилиями и стараниями.

Не заморские лихие тати, а мы, сами - РоООссияне выгребаем до доньшка все то ценное, что пока еще остается у нас в природе.

В чем причина этого расхищения и разбазаривания – русский менталитет, национальная идея или исконная наша дурость?

Особенно после развала Союза мы в этом заметно преуспели. Возьмем весьма знаковый пример. ТИГР!

У нас этот зверь находится под патронажем самых верхов. На работы по его учету в зиму 2014-15 гг. Министерство природных ресурсов выделило 18,5 млн. руб.

Силами охотоведов, егерей, работников охотничьих хозяйств посчитали всех тигров. Их численность ожидаемо оказалась самой высокой за все годы исследований.

Не очень давно один из известных природоохранных фондов озвучил цифру. За десять лет «под тигра» получено от спонсоров и зарубежных государств и потрачено в России 85 миллионов долларов.

Общественность информируют, что тигров мало, численность их падает, а браконьерство стабильно растет. Государство говорит иное или отмалчивается.

Кому верить - своему государству или международной экологической общественности? Скорее всего, истины не найдешь ни у тех, ни у других.

Работники Министерства природных ресурсов – это деловые и совсем не бедные люди. Это те, кто «на самом верху».

А вот рядовым, тем кто не «на слуху», свои гешефты приходится делать более осторожно. И это им удается.

Для них всех, как и для именитого бизнеса, «свет в окне» - это российский Президент. Подписал, сказал, к примеру, что тигров должно быть больше, значит, так и будет, их число обязательно вырастет.

Кто будет проверять по факту, и будет ли -неважно. Нельзя поэтому судить, много или мало денег изыскивается на природоохрану, а тем более на охотничье хозяйство.

Фактически это сущие копейки. Кто сомневается, пусть на сайте Министерства природных ресурсов посмотрит показатели финансовой и экономической отчетности.

А вот внимание министерства к углеводородному сырью гарантировано. Ведь в трубкилометрах, и посредством отданных олигархам месторождений нефти и газа наверху оценивается качество их деятельности.

Но печальнее всего то, что российский лес всегда воровали и продолжают воровать, только темпы и объемы возрастают.

При лесозаготовках крупные лесные корпорации соблюдают политес, проходят добровольные процедуры экологической сертификации.

Четко зная и используя «законодательные прорехи» в Лесном Кодексе, хорошо ориентируясь во множестве подзаконных актов, они вполне успешно опустошают территории лесов, сопоставимые по площади с не самыми мелкими европейскими государствами.

Мелкие фирмы и одиночки кустари воруют понемногу, но редко попадают, хотя иногда таких воришек показательно судят.

Бизнес опасный, но прибыльный при резко возросшей технической оснащенности «деловых» сельчан. Не редкостью уже являются приборы ночного видения, квадроциклы, зарубежные хорошего разбора карабины, фары и фонари.

Не говоря уж о производственном инвентаре - пилах, трелевщиках, погрузчиках и прочей спецтехнике. Все это можно увидеть в самой захудалой деревне, и безошибочно определить, какой хозяин вполне успешно «живет с тайги».

На этой ноте вернусь вновь к обозначенной выше проблеме – нежелательным встречам человека и хищника.

Начиная свой рассказ описанием будничного разбоя охотничьего зимовья, совершенного «Буряком» - Топтыгиным.

«Миша» пришел в совсем не голодное время, это было достаточно урожайное осеннее время.

Последствия его разбоя могли бы расстроить любого охотника: ни с того ни с сего забрался на нары-полати, попрыгал, проломил пару досок, упал, видимо, слегка застрял, защемился досками, рассердился, разнес в щепки стол, свернул в трубу квадратную железную печку, выдернул и «завязал» в узел печную трубу.

Просто моряк какой-то, вязатель узлов, а не медведь. А еще у друга моего охотника были продукты. Кру-

пы, сахар, вермишель, чай и пр. хранились в железном ящике, закрытом на болт в полтора пальца толщиной.

Так не поленился Миша - выгнул хлопком обе железные стенки этого ящика, поддел своим когтиком длинной в пятнадцать сантиметров проушину замка, вскрыл.

Все обследовал, пробуя на зуб, выплевывая невкусное и рассыпая сыпучее. Интересно было видеть консервные банки - их словно пулями мелкашки прострелили или гвоздями «двухсоткой».

Такова сила медвежьих зубов и когтей, не даром же их опасаются собаки, да и охотники не стремятся ближе познакомиться.

На юге Дальнего Востока охотники относятся «спокойно» к косолапому как к возможной охотничьей добыче. Но очень не любят, совсем не жалуют гималайского медведя.

В чем здесь причина? Медвежья жизнь становится «общественной» в тех местах, где появляется на небольшой территории много пищи. На Дальнем Востоке такими уникальными местами медвежьих сборищ являются лососевые реки.

Про эти особые места и взаимодействие лососей и медведей много известно из телепередач и печати, выпущено фотоальбомов, видеофильмов, множество самодельных роликов выложено в Интернет.

Аляска, Камчатка, в меньшей степени, побережье Охотского моря - популярные места для туристов, желающих полюбоваться зверьем.

В Северной Америке любой национальный парк может похвастаться немалым количеством медведей.

Существует множество инструкций, как вести себя, чтобы не подвергать себя риску, но каждый год регистрируются несчастные случаи.

Увечьями, гибелью заканчиваются иногда нападения громадных зверей. И ни опыт, ни знания не спасают увлекшегося процессом съемки фотографа или бывалого туриста.

В местах массовой рекреации обычно охоты как таковые не практикуются. Но в чрезвычайных случаях специальные бригады быстро и эффективно производят отстрел.

У японцев на острове Хоккайдо появление таких непуганых медведей давно превратилось в головную боль. Что они только не делали и не делают, отваживая обнаглевшее зверье от поселков.

В ход идут разного рода отпугивающие устройства, отлов и переселение зверей, отстрелы - но всегда без огласки и лишнего шума...Лучше всего зарекомендовало себя тотальное огораживание заборами с колючей проволокой и под элетротоком.

Только загнав себя за «колючку», наши дальневосточные соседи чувствуют себя в относительной безопасности от их вольных медведей.

Туристский бизнес, связанный с посещением природных красот, у них налажен очень серьезно.

До сотни несчастных случаев, вызванных нападением медведей на простых японцев, регистрируется ежегодно.

Впрочем, дело, может быть в том, что островитяне - врожденные фаталисты. Культ самурая сохраняется в народе и поныне: должно произойти – то и будет!

В Сибири и Дальнем Востоке медведя никогда не будет слишком мало. Его «выбить» с помощью отстрела очень сложно.

Даже в советское время государственный план по заготовке мяса медведя никогда не выполнялся. Никогда не находилось столько желающих, сколько выделяли лицензий на добычу этого зверя.

Пытались и материально стимулировать. Приемная заготовительная цена мяса медведя была самой высокой - 1 руб. 50 коп. Против 1 рубль 20 коп., выписываемых охотнику за один килограмм мяса благородного оленя.

Основная причина была в том, что добытого медведя достаточно трудно превратить в мясо. Нелегко его транспортировать.

Государственный стандарт на мясо медведя предусматривал правило, что тушу медведя рубить можно только на четыре части, и никак иначе.

Нормальный бурый медведь по весу тяжелее коровы, следовательно, нести и сдавать такие огромные куски крайне затруднительно.

Известен анекдот о чукче и геологе про то, как нужно было много хитрости, чтобы добыть мясо поближе к дороге. К тому же нужны были подъемный и проходи-

мый транспорт и немалая компания, чтобы можно было погрузить мясо в кузов.

В далеком уже 1987 г. я взялся помогать охотоведу в наказании одного разорителя пасеки из медвежьего племени.

Неделю мы провели, на таежной реке Алчан, и все без толку. За все ночи, что мы караулили разбойника, лишь первой ночью услышали шевеление, легкий шум... Я посветил плохеньким фонариком, но ничего не увидел.

Пребывание на пасеке было отличным, по утрам и вечерам я сплавлялся по реке и считал уток, проводил плановые учетные работы

Днем коротали время за чаем со свежим медком и разговорами, да и медовухой наугощались вдоволь.

Медведь, видно, почуял что-то и перестал появляться, а нам пора было возвращаться в поселок, на основную базу коопзверопромхоза в село Бурлит.

Охотоведа ждали производственные дела, а я планировал перебраться в бассейн другой реки для выполнения плановых научных исследований. В то время я объезжал, обходил бассейны всех таежных рек Приморского края.

Целью этих работ было найти на гнездовании, на линьке ли, просто на воде и посчитать всех встреченных уток. И вот не спеша, подгребая веслом, сплавляемся по реке на деревянной и очень проходимой по извилистой темноводной реке лодке.

Километрах в пяти от пасеки решаем сделать небольшой привал.

По укоренившейся таежной привычке, с тем, чтобы избежать мошки и комаров, пристали к берегу пообедать, расположились на речной косе чайку вскипятить.

Как правило, таежный народ время понапрасну не тратит. Кто-то собирает на дрова сухой прокаленный на жгучем солнце плавник. Кто-то рвет лесные травки на салат или для чая.

Все идет в дело: дикий лук, черемша, любая ягода, шиповник, чага.

Наш моторист-проводник и хозяин этого участка минут за пятнадцать надергал внахлыст «харьюзов». Попалась также пара ленков. Вот мы и обеспечены роскошным обедом, есть с чем и чаю попить.

Не спеша, но и не мешкая, заварили уху, сварили чай. Сидим на солнышке и обедаем под неспешный разговор и чаек.

И тут востроглазый наш лодочник вдруг начал корчить страшные гримасы, показывая на противоположный и близкий, находящийся где-то метрах в 70 от нас противоположный берег.

Присмотревшись, увидели, что в прибрежном ивняке хорошо видна огромная фигура медведя.

Именно медвежьи размеры были для нас основной и главной приметой-уликой: это был тот лиходей, которого мы караулили безуспешно на пасеке.

Два карабина - «Лось», той еще самой первой модели, девятимиллиметровый, и мой служебно-научный «Барс». Оба лежали неподалеку от меня. Потянувшись, но

не делая резких движений, я наощупь дотянулся до ближайшего карабина.

Им оказался «Лось» охотоведа. Короткая вскидка, глуховатый в вечном шуме горной реки грохот карабина...

Кусты шевельнулись, качнулись невысокие тальники, и все затихло.

Мы переглянулись. Охотовед опустил кружку с чаем на гальку: «Попал, однако», - и... налил себе новую кружку чая.

Из всех присутствующих я был самым неопытным медвежатником. У меня к тому времени насчитывалось всего два медведя, добытых за несколько лет жизни в Приморье.

Когда предложил пойти посмотреть, что и как у нас происходит на другом берегу, товарищи остановили меня. Охотовед изрек: «Подожди паря, ты один раз выстрелил, а у меня в карабине только один патрон остался. Я вообще-то все свои патроны забыл дома».

У моториста с собой, кроме ножа и топорика и ложки, ничего не было. Этот последний аргумент крайне меня убедил, я опять присел на землю.

Допив чай, минут через сорок мы начали переправляться через реку. В месте, где видели медведя, наткнулись на след.

На уровне полутора метров от воды виднелся тонкий ствол прибрежной осинки со свежей ссадиной от тупой полуоболоченной пули.

В сырых прибрежных ивняковых зарослях были хорошо видны еще следы-подтверждения: сдернутая могу-

чими лапами, разбросанная глина, изломанный куст, хорошо промятый широкий тоннель из раздернутой в стороны густой травы.

В Приморье леса сильно отличаются от умеренной полосы европейской части России. Здесь джунгли со всеми атрибутами влажных тропиков, лишь географически далеки от настоящих тропических «гилей».

Лианы винограда, ильмы, осины, желтые березы, ясень, высокие кусты, раскидистые страусиные перья папоротника-орляка, корчи, валежины...

Вся «зеленка» создает пейзаж с очень ограниченной видимостью. Приречные леса всегда большая морока для охотника. Все перевито, сплетено, через этот карандашник и продираться трудно, и не видно ничего уже с двух метров. Не запнуться бы и не рухнуть в самый неподходящий момент.

Азарт, адреналин, напряжение – это тот «компот» экстрима, который сам по себе переносить нелегко, но забыть почти невозможно.

Вполне очевидно, что бесшумно идти в таких условиях никому не удастся. Здесь главное, - опередить внезапно вскинувшегo зверя выстрелом.

Наша колонна, состоящая из трех человек, выстроилась сама собой. Впереди выступал я, поминутно поправляя левой рукой очки, а правой крепко сжимая тонкую шейку «Барса»...

На два шага сзади, правее меня идет охотовед, держа «Лося» с единственным патроном в стволе...

Замыкал нашу тройку моторист с напряженным лицом, с охотничьим топориком в руке.

Прошли мы недолго...

Метрах в десяти всеми нашими обостренными нервами ухватили движение зверя. Тот, как всегда неожиданно, внезапно показался из-под выворотня.

Мы увидели плечо и голову медведя. Нет, не так! Это была ... ГОЛОВА..!!!

Размером с хороший чугунный котел, тусклые, как мне тогда показались, пуговицы глаз и неожиданно смешные круглые уши.

Мой «Барс» уже у плеча, хлесткий выстрел, голова медведя падает на задранный вверх ствол выворотня. Готов!

Не тут-то было! Через несколько секунд зверь вновь приподнимается

Второй, третий, четвертый выстрел... С ужасом понимаю, что в магазине остался лишь один патрон. Легонькие полуоболочечные пули «Барсика» не берут это монстра.

Сбоку кряхтит охотовед, удерживая у плеча наш последний аргумент - свой верный карабин.

Но это у него последний патрон, и он не торопится его израсходовать.

Пятый мой выстрел. Наконец-то послышался треск завалившейся туши.

Как потом мы установили, все патроны попадали в голову... и разбивались, сплющиваясь своей мягкой оболочечной кромкой. И лишь последний патрон из обоймы был полностью покрыт оболочкой, он оказался самым устойчивым.

Но и от него остался только смятый небольшой кусочек. Позже обнаружили, что малый фрагмент этой пулевой оболочки застрял в самом крупном затылочном позвонке медведя - атланте.

Дальше все было трудозатратно и спокойно. Полчаса мы проталкивали через кусты протоки с реки поближе к месту отстрела наш бат – деревянную лодку.

Потом с помощью веревки, рычагов из стволов осин и «какой-то матери» загрузили черную лоснящуюся тушу

буряка в лодку. Та заметно присела, пригрузилась, но мы ее столкнули-сдвинули, и она пошла вниз по реке.

У поселка с помощью местных наших знакомых мужиков тушу медведя вытащили промхозовским грузовиком ЗИЛ-131.

Перекатали в кузов, свезли на склад, разделали и взвесили. Разделанная туша по всем стандартам потянула 368 кг чистого мяса...

Общий вес медведя «при жизни» никто из нас не думал даже прикидывать, хотя он, вероятно, был близок к полутонне.

Снятая шкура была засыпана солью, и она с трудом поместилась в стандартной столитровой деревянной бочке для засолки грибов.

А вот мясо медведя оказалось, к сожалению, трихинеллезным...

ВОЛК И ЛИСА

Волк и лиса – любимые сказочные персонажи многих народов, что совсем неслучайно, ведь эти звери живут повсеместно.

Люди исстари подмечали особенности поведения этих животных, и объясняли их, наделяя зверей такими чисто человеческими качествами как хитрость, ловкость, коварство, жестокость, злоба.

И хотя эти черты являются всего лишь отражением, прежде всего, человеческих черт характера, в основу (этих суждений) положены многовековые наблюдения за этими зверями в природе.

Вот и я, по своему рождению степняк, хорошо знал этих животных и, когда увидел в первый раз на Дальнем Востоке лисицу, был рад ей, как старому другу.

Важно отметить, что волк и лисица могут жить свободно своей жизнью, особенно не стесняясь близким присутствием человека. Более того, эти звери, хорошо адаптирующиеся к меняющимся природным условиям, успешно используют «хозяйственные привычки» человека себе на благо.

Речь идет, прежде всего, о набегах лисиц на деревенские курятники и о нападениях волков на домашний скот. Такие факты мне хорошо известны по моей жизни в прикаспийской низменности.

Именно такого рода вероломство (с человеческой точки зрения) записано в генетической памяти села. Ненависть к ворам и нахлебникам всегда подогревала желание найти и поквитаться с обидчиками.

Борьба не на жизнь, а на смерть! Яд, капканы, собаки, ружья, любой транспорт – все это используется в непримиримом противоборстве сторон за право использовать по-своему территорию и природные ресурсы.

Лисица и волк - не только исконные враги человека, а также соседи, хищники, и еще и дичь!

В названиях зоологов, как для волка, так и для лисицы введены уточняющие их статус видовые обозначения – обыкновенный, или серый волк и обыкновенная, или рыжая лисица. В соответствии, с зоологической классификацией, волк и лисица относятся к одному и тому же семейству Собачьи.

Это – истинные хищники: специалисты по изучению животных – териологи относят их к отряду Хищные. Поэтому в латинских их названиях отражается еще история, долгий путь контакта и соседства с человеком. И еще вражды.

Коренастая фигура с мощной грудью, неподвижной короткой шеей, толстое «полено» хвоста. Серый дымчатый окрас, неторопливый обычный бег трусцой, а еще вокальные незабываемые концерты под луной.

Это – волк, и долго не забывается лобастая голова, развернутый треугольник ушей, чуткий подвижный нос тем, кто видел волка вблизи.

Впрочем, многие пытаются сравнить волка с овчаркой, но еще никому не удалось увидеть у нее то природное, дико-холодное, что отражается в умных желто-коричневых глазах представителей волчьего племени.

Изящная, грациозно несущая себя самая фигурка, непередаваемая легкость движений, непредсказуемость и быстрота перемещений – особые приметы лисицы.

Длинный вытянутый хвост завораживает гипнотизирует, когда появляется возможность наблюдать за охотящейся лисой.

Тонкий слух, острое обоняние, зоркие глаза... Природа не покупила на качества, необходимые для выживания зверя. Лисица часто держится недалеко от человеческих поселений, ее нередко видят селяне, водители и дачники.

Иногда можно вдруг с безмерным удивлением увидеть и мощный, четко вырезанный силуэт волка, хотя более вероятно его услышать.

Волк и лисица – коренные обитатели самого обширного материка - Евразии.

Лесотундра, тайга, горы, степь, морское побережье... везде на обширных просторах нашего континента можно встретить четкие цепочки следов, а если повезет, обыкновенный человек может заметить огненно-рыжую шкурку лисы, нестерпимо яркую на зимней белизне.

Что ж такого своеобразного можно отметить в этих столь известных и распространенных зверях.

Волк (волчица) – *Canis lupus* - это культовое животное для Древнего Рима.

В своем научном сочетании видовое название объединяет слова «пес, собака, волк» в единое понятие. *Vulpes vulpes*.

Волк для большинства сельских жителей, и особенно пастухов, волк - крайне нежелательный сосед, злейший враг, диверсант и вредитель.

Пушистая плутовка – лиса также нередко оказывается нежелательной соседкой для владельцев курочек и домашних уток. Как и во многих других случаях, налицо конфликт интересов, противодействия человека и природы.

В природе все устроено целесообразно, и в ее естественном порядке каждый из ее обитателей занимает свою экологическую нишу. А эволюционная история каждого вида закрепляет те биологические особенности, которые помогают выживать каждому виду.

Постоянство морфологического строения, физиологических процессов, инстинктов их достаточно точное воспроизводство в каждом поколении не мешают успешной адаптации массовых видов к постоянно меняющимся условиям обитания, в том числе и восприятию всего огромного разнообразия форм взаимодействия с человеком.

Следует отметить особость социальной организации животных, ее гибкость и устойчивость. Звери способны быстро воплощать в своих поведенческих паттернах множество происходящих перемен на планете.

Волк – отличный показательный тому пример. Он обладает исключительно развитыми коммуникативными способностями, которые отражают исключительную по «разумности» функциональность социального поведения волчьей группы.

Известно, что волчьи стаи формируются по семейному признаку: пара волков образует ее из своих пометов разного времени. Волки не только исключительно заботливые, но и очень внимательные родители.

По мере того, как волчата растут, в стае становится понятным, у кого что получается лучше, и эти качества поддерживаются стаей, шлифуются самим зверем, развиваются до подлинного творчества в (человеческом понимании).

Особенно наглядно это проявляется в главном коллективном занятии волчьей стаи – добыче себе пропитания. Сцены волчьей охоты могли бы составлять сюжеты самых изощренных триллеров, если у голливудских режиссеров поменяются стандарты кино.

Научные исследования зоологов успешно доказали существование развитой системы функциональных обязанностей в стаях волков. И даже в обыденной волчьей жизни можно увидеть и распознать мелодраму, трагедию, боевик и даже комедию.

Семейные пары волков славятся своей постоянностью, вокруг матерого всегда «вертятся» молодые набирающие силы волки, готовые занять его место, ну а сцены любой охоты волков — это одновременно боевики и триллеры.

Хотя по насыщенности сюжетов и динамизму действий безусловный приоритет стоит признать за «экшн».

Сталкиваясь со свидетельствами той жестокости, которые проявляют, чаще всего, пришлые, не территориальные, кочующие волки, при массовой добыче домашнего скота легко можно засвидетельствовать реально воплощенные «ужастики» видео.

И вряд ли какому другому зверю, его трагедиям и драмам, было посвящено столько песен и от маститых шансонье, и в песнях безымянных любителей КСП.

Стоит отметить, что у волков всегда находится много защитников среди людей. Великолепные книги, эмоционально насыщенные рассказы, разнообразно описывающие «благородное» поведение волков, множество трогательных роликов в сети.

Темпераментные дискуссии на форумах между охотниками и защитниками животных пользуются особой популярностью среди горожан.

Здесь трудно отделить призывы в защиту самого волка от неосознанных собственных стремлений авторов вновь и вновь прикоснуться к свободе.

Посредством «очеловечивания» волков офисные работники, менеджеры, банкиры неявно, но страстно раскрывают свою собственную скрытую глубоко от всех внутри романтику.

Так что, как и в горячих строках поэтов, в сетевой лирике современности, как продолжение зажигательных эссе Жан Жака Руссо и поэтики Киплинга...

Сама «свободная природа» воплощается в суевериях городов посредством обращения почти сказочного отображения волков - свободных существ, рыщущих себе на радость на воле.

Среди пастухов, фермеров, сельских чиновников и охотоведов «волчьих друзей» не встречается. Трудно быть толерантным в отношении к жестокому и умному зверю, способному нанести ощутимый материальный урон в хозяйстве.

Добыча волка – это не промысел, но и не рядовая охота. Наиболее почетна и трудоемка была и вероятнее всего будет всегда охота на волка «на вабу».

Это способ особого подманивания чуткого и осторожного зверя. Сам по себе он требует очень много от охотника - отличного слуха, большого запаса времени, невероятного терпения, легкости и неутомимости в передвижениях, внимательности и осторожности в лесу и в поле, и еще особого философского отношения к жизни.

Успех здесь не придет сам собой, надо хорошо знать привычки, образ жизни, следить за перемещениями зверей, скрытно в летнее время, пробирающихся из логова за добычей и обратно.

Сам процесс вабы много раз нужно найти-прикинуть то самое лучшее место, где охотник сможет подать свой «волчий зов». Выбрав такое место, следует точно определить направление ветра, и что более трудно – предугадать, в какую сторону он будет дуть во время вабы.

Неслучайно опытные волчатники рекомендуют: в идеале должно быть намечено несколько точек пребывания. Когда есть выбор, больше возможности хорошо «подать голос», не испугнув волков.

Встреча с матерыми волками может состояться только в том случае, если они сами решили двинуться на такую встречу. Их трудно обмануть, но они могут быть любопытными, и иногда интерес побеждает осторожность.

Молодые волки достаточно легко откликаются на вабу, их реально подманить, даже если обладаешь небольшим опытом, охотнику важно лишь к закату солнца быть на нужном месте.

Следует знать, что волки прекрасно знают свой участок и передвигаются по своим дорогам, куда как более коротким и удобным для скрытого перемещения, чем те, которыми пользуется человек. Даже в глобоснежье волки безошибочно отыскивают нужные им тропы, идут осторожно, быстро, экономно и точно, передвигаясь по тем местам, где, по их расчетам, наиболее высока вероятность встретить добычу.

Обладая отличным слухом, волки хорошо определяют место, откуда до них донесся голос.

И к вабильщику волки могут подойти с совершенно неожиданных для него направлений, занять очень «невыгодные» для выстрела позиции, обязательно с учетом направления ветра, который и есть главный помощник волка.

Со своим феноменальным чутьем волк прекрасно может опознать затаившегося человека, если «поймает» запах охотника. Поэтому можно обойтись без комментариев по поводу запаха табака, спиртного, новой одежды, оружейной смазки, который может «нанести» дуновением ветерка от охотника. Волка провести нелегко.

Выбор оружия не очень важен. Старые охотники-волчатники обычно довольствуются простенькой двустволкой.

У новых для стопроцентной гарантии появилась манера брать с собой как пару ружей, гладкоствольное и карабин, а то и несколько.

На близком расстоянии целесообразно стрелять по волкам картечью, дальнем – пулей; любая оптика - хорошее подспорье для стрельбы из винтовки.

В теории, конечно, хорошо иметь с собой тройник или два полуавтомата, но в реальности стреляющий из привычного и надежного «ствола» без добычи не останется. По крайней мере, такой охотник бывает избавлен от выбора, что схватить первым для выстрела.

Безусловно, охота на волков на вабу интересна и как спортивная охота с ружьем в тот период, когда всякая другая охота еще запрещена.

Имея одного опытного вабильщика, охоту на волков можно организовывать для небольших групп приезжих охотников, числом не более трех-четырёх стрелков.

Важно отметить, что на волка можно охотиться и в тот сезон, когда другие популярные охоты бывают под запретом.

В выгодном положении оказываются такие охотничьи и фермерские хозяйства, которые поддерживают опытных егерей-волчатников, знают и поддерживают нелегкий труд сельских охотников-универсалов, способных подготовить любую охоту на волка.

В государственном масштабе должно проводиться реальное регулирование численности волка. Хотя практиковавшееся в советское время системы поощрения волчатников не были безукоризненными, тем не менее, они действовали.

Явным минусом премиальной системы было быстрое появление «народных хитрецов». Используя то, что оплата за волчицу была гораздо выше, чем за волка, охотники частенько выдавали шкуры убитых кобелей за волчиц.

Истребление маленьких волчат было вообще невыгодным делом, и умелые охотники не тревожили логова, ждали, когда подрастут волчата, но не наберутся еще полноценного опыта выживания.

Тогда и старались добыть побольше особей, максимально обезвредить всю стаю, но не истребить полностью.

Кстати говоря, позднейшие исследования зоологов подтвердили, что такая схема была очень правильной. Сохранялся и соблюдался территориальный принцип: даже если один из матерых зверей был добыт, другой находил пару и оставался жить на своем участке.

В том случае, когда волков уничтожали полностью, такие территории, как правило, захватывались стаями ко-

чующих бродячих волков, не имеющих пары и собственной территории. Они устраивали настоящий террор, без пользы и без разбору задирая диких и домашних животных.

Иногда старались применить яд, нередко пользовались капканами, устраивали облавные охоты на волков, пытались отстреливать на скотомогильниках и на живца, применялись флажки-облавы, делались грандиозные загоны.

На Севере широко применялась малая авиация - поршневые самолеты, гидросамолеты, иногда вертолеты. Опытные охотники, виртуозы пилоты, из них особенно лихими были ветераны Афгана, а потом и Чечни, добивались очень значительных результатов.

Нередко на такие «пострелушки» в регионы прибывали важные гости из Центра, из самой Москвы - полетать, попить, пострелять, в общем, позабавиться. Сейчас эстафета перенята богатыми предпринимателями и главами некоторых регионов.

Впрочем, специализированные волчьи охоты такой публикой не очень ценились, ведь нужно было быть профессиональным стрелком и просто хладнокровным человеком.

Не каждый способен повиснуть при необходимости на ремне, пытаясь достать картечью полуавтомата или меткой карабинной пулей стремительно несущиеся серые тени.

Сейчас куда как более доступны гонки за волками с использованием снегоходов и квадроциклов, а кое-где ав-

томобилей и вездеходов, даже трактор сельчанина может стать большим подспорьем в преследовании волка.

Впрочем, не всем и не всегда, конечно, удастся, получить нужные бумаги или найти время, или нужное место. И волков на территории России существует совсем немало!

Лисица не является столь «социальным» игроком, не вызывает своим существованием бурных споров – «за» или «против».

Это вполне обычный зверь, встречается столь же повсеместно, как и волк, ее можно называть обыкновенной.

Лису-патрикеевну можно увидеть почти повсеместно - в богатых водой равнинах Русского Севера и в жарких южных степях до скальников горных плато Чукотки, Таймыра и побережий Охотского моря и среди кекуров вечно туманных Курильских островов.

Однако при всей ее всеобщности, космополитичности, вездесущности на самом деле увидеть лису совсем не так уж просто.

Весной, летом, осенью встречи хоть и нередки, но случайны, и лишь зимой лисица может стать настоящим подарком охотнику, а не только сказочным персонажем сказки.

Зимой лисица дивно смотрится, щедро одарённая красотой Создателя.

Великолепен рыже-красный окрас ее шубки, а как грациозны и удивительно непосредственны ее прыжки,

очень забавны и точны, когда она «раскусывает» хитрые перемещения мышей под снегом.

С биологических позиций столь характерное для лисы многообразие цветовых вариантов раскраски шкуры легко объяснимо.

Шуба является обязательной и необходимой частью ее адаптации к обитанию в самых различных условиях на обширных пространствах всей нашей страны.

В товароведении же досконально «просчитывается», как достичь при выделке густого переливчатого меха.

Шкурки лисицы всегда привлекают законодателей мод, которые пытаются с их помощью «вдохнуть» новую идею и «выдохнуть» креативность в формате дизайнерского изыска.

Лисица всегда была и остается больше формально-называемым промысловым объектом.

Шкурки лисиц заготавливались в советское время, да и раньше, но капризы моды в начале третьего тысячелетия оказались непредсказуемо-банальны, ныне никто не настроен заниматься добычей лисицы в коммерческих целях.

Нет более квалифицированных скупщиков этой некогда государственной пушнины, ушли на пенсию и поумирали опытные меховщики-товароведы.

Только в старой литературе фигурируют такие известные прежним заготовителям пушнины товарные названия, как огневка, крестовка, чернобурка, сиводушка...

Лисица сейчас скорее сосед человеку нежелательный. При наличии пернатой дичи, зайцев, да и копытных плотность населения лисицы в частных охотничьих угодьях будет всегда высока.

Много хищников – значит, много нужно им пищи, высока внутривидовая и межвидовая конкуренция за добычу, продуктивность охотугодий падает.

Далее, при высокой плотности населения, каждому хищнику нужен свой участок для добычи, а если их не хватает для свободного существования, растет конкуренция, которая, в свою очередь, рождает тесноту.

За скученностью следуют болезни - чесотка, бешенство, чума плотоядных. Это все очень нежелательные спутники, которые могут распространяться подобно пожару.

Лисица способна сильно вредить птичьему населению. Она со знанием дела посещает птичьи гнездовые колонии в арктических землях, на островах, быстро сокращает приплод таких охотничьих птиц, как утки, фазаны, куропатки, тетерева.

За эти их «грешки» раньше, в прежних спортивных хозяйствах СССР лисицы были вне закона, стреляют за это их вовсю и сейчас, но особенно не любят их частники-заводчики зверья и птиц в Европе.

В этом объяснение фото битых кумушек на фотках в сети, на блогах, сделанных российскими охотниками, побывавшими в Европе и на охотничьих форумах.

Все же отметим, что лисица – не только вредитель, она еще честная и красивая добыча охотника.

Из меха можно сделать, например, прекрасный подарок близкому человеку.

Что ж, остается надеяться, что есть те, кто будет беречь, как и те, что способен красиво добывать этих российских сказочных персонажей.

И пусть охотнику, отправившемуся зимней порой в интересный поиск за лисонькой сопутствует зимней порой, сопутствует удача.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я закончил свое повествование о времени моей охотоведческой молодости.

Это время продолжилось у меня и в той полевой, охотоведческой и зоологической науке, которая увлекала меня безудержно не менее четверти века.

Есть еще немало того, чем бы хотелось бы поделиться. Но в этой книге я подошел к завершению. И прежде, чем читатель закроет эту книгу, я хочу поделиться некоторыми находками, скорее даже откровениями-максимами.

Есть: ВРЕМЯ.

Каждый охотник мечтает найти свое охотничье «эльдorado».

Загадочное, яркое и неизвестное, никем еще не найденное, самое лучшее, единственное место, где живет, теснится сказочное обилие зверей и птиц. ОХОТНИКА влечет ДИЧЬ!

ДИЧЬ. Само это короткое слово звучит как отрывистый резкий жесткий выплеск-удар выстрела

Дичь подразумевает не совсем или совсем неосвоенные человеком места. Это должно быть что-то очень дикое.

ДИКАЯ ПРИРОДА. Многие сотни тысячелетий миновало с той поры, как появился на планете человек, но в потаенных уголках нашего мозга до сих пор живы инстинкты.

Следовательно, пока остается, воспринимается нами что-то как дикое, мы способны найти, переиграть и добыть пропитание!

ДОБЫЧА. С «седой» древности любые животные инстинктивно воспринимаются человеком как потенциальная добыча!

Не следует примитивизировать это слово, добычей мы считаем не только то, что способны съесть. Добыча – это символ удачливости, престиж.

И хотя «на нас» и «в нас» в большей или меньшей степени сохраняется тонкий «лак» цивилизации, регулярно нам, как впрочем, и каждому живому существу в природе, нужно обязательно найти то, что нас «напитает», чтобы мы остались живы.

Мы добываем не только пищу, мы охотимся за деньгами и властью, за новыми впечатлениями, и старыми вещами в коллекцию.

Нам постоянно нужен прирост нового, так, например, в науке каждый из ученых в профессиональном варианте охоты находится в поиске-добыче нового.

ЗНАНИЯ. Мы можем стать очень удачливыми добытчиками знаний, если мы обратимся за помощью к самым великим учителям – Земле, Вселенной, Космосу.

ПРИРОДА. Мы постигаем мир разнообразно, в реальных ощущениях и представлениях, в книгах и сказаниях...

Мы забываем умозрительное, пробираясь в мир природы, наблюдая, созерцая, изучая свободных природных и вольных существ.

И каждый раз мы сами становимся немножко другими, встречаясь с целым сонмом представляющих природу существ – камней, растений, зверей и птиц.

В каждом из них присутствует и определяет его неисчезающая субстанция.

ДУХ. Его не пропустишь, не сможешь не понять и не заметить, конечно, если сам открыт природе. Занимаясь рутинным, понятным, обыкновенным готов к встрече с чудесным, тем не менее. Так возникает и рождается необыкновенное.

ЧУДО. Проходит обычно много времени, прежде появляется осмысление чуда. Вот и я настроился на пере-чень-пересказ того, что было когда-то и отнюдь не казалось мне тогда чудом. Это то, что мне хотелось бы передать как некий итог размышления и контакта с минувшим.

Я листаю, просматриваю свои когда-то опубликованные рассказы, эссе и очерки. Заново «включаюсь» в, казалось бы, совсем забытое, минувшее, «выныриваю» из тех прежних времен и делюсь своими «находками».

И в своей голове вновь плету, вяжу, перекручиваю тонкое кружево слов. В этих рассказах, обращаюсь к минувшему, наслаждаюсь тем, что мой ум играет «ванилью» всплывающих образов, люблюсь блесками светлячковощущений...

Мои чувственные каналы восприятия легко включаются и меняются энергией скитаний прошлых лет. Осматриваю фотографии и вывожу на экран компьютера старые

забытые файлы, а вместе с тем мое внимание обращается к совсем недавнему, написанному почти что вчера.

Переживаю-проживаю заново, суммируя по крупинкам найденное, и не стараюсь изменить хоть слово из когда-то высказанного, записанного, внесенного в передаточные листы-рамки быстрых своих сочинений...

Как-то очень странно становится, знакомо, наверное, тем, кому доводилось заглядывать в бездну. Чем больше вглядываешься, тем больше что-то вглядывается в тебя ОТ-ТУ-ДА.

Это и есть МАГИЯ прожитого. А магии внутреннего прозрения способствуют внешние образы-знаки. Так странно в своем благополучном и сытом сегодня встречаться с не очень-то чистыми, старыми, пожелтевшими, измятыми и грязными дневниками.

Вглядываюсь в строки, в себя, потом в монитор компьютера, вспоминаю с необъяснимой ностальгией по тому времени, когда мокрый, продрогший и заморенный маршрутом, еле держащий в руке размокшую горбушку хлеба с толстым слоем застывшей тушенки, я черкал в своем полевым дневнике что-то непонятное, но важное.

Происходит трансформация, и не только криво разбегающиеся, расплывающиеся карандашные строчки становятся ровным рядом запрограммированных символов, но и сами давние события как бы оживают, по-иному показываясь, но при этом оставаясь в памяти обязательного современного помощника - компьютера.

Лаконизм этих строк еще больше уплотняется и усиливается при пересчетах и составлении научных графиков. Темы статей, как правило, появлялись не «за столом».

В грязи, в холоде, в промозглости палатки или духоте экспедиционного авто, задумывалась, уже писалась очередная научная работа, посвященная характеристике миграций водоплавающих птиц, динамике численности популяции, анализу сведений по плотности населения и т.п.

Но были и иные строчки, короткие как судорожный вздох, когда внезапно вступаешь в ледяную воду... Или плавные и скользкие, как лодочки «парусов» облетевших цветов в летних лужах.

Три строчки придуманной стихотворной строфы или корявый, но дорогой сердцу абрис пламенеющего заката...

Нередко они располагались вперемешку с вклейкой из кальки из «секретной» топокарты или кроками-крюками, которыми кто-то из знающих и ведающих обозначали для меня то место, к которому мне еще предстояло пробраться.

Удивительно, что изначально эти мои знаки-значки состояли из кривых цифр и коротких закорючек-букв, слов, только мне понятных и раскрывающихся в пояснениях и объяснениях.

К примеру, короткая черточка букв и цифр могла обозначать то, что я видел, что в какой-то момент - появились «шустрые», проворные уточки - чирки-свистунки.

Автоматически «включился» навык специалиста по охотничьей орнитологии, поскольку требуется регистрация этой встречи утиной стаи, пролетевшей в северном

направлении и состоящей из пятнадцати птиц. Идет запись: «Ч-с - 15. Сев. 21-05».

Позже, при камеральной обработке результатов учетов и наблюдений делается вывод – «отлет на ночную кормежку начался позже обычного (подтверждено фиксацией и сравнением времени пролета)».

НАУЧНО резюмируется: «Возможно, начался отлет утиных с данного места миграционной остановки».

И это, конечно, еще и уже не наука, это лишь те условия и обязательные составляющие, без которых нельзя постигнуть биологическо-географическое ремесло.

На страницах этой книги уже были частично воспроизведены написанные мной очерки и рассказы, по большей части представляемые когда-то как профессионально-экологический отклик на прежние злободневные и волнующие темы.

Слова и мысли, что приведены на страницах этой книжки, чаще всего никак не «входили» в таком виде и представлении в мои опубликованные научные книги, учебники и тематические статьи.

Я постарался здесь сделать своим близким, знакомым подарок. Послать привет из общего прошлого, облечь в нужные слова многие повествования, услышанные у костра, в избушках, на полевых станах, в стенах провинциальных кабинетов, гостиниц и т.п.

И не успев закончить, чувствую, что остается неутоленная еще полностью жажда поделиться этим обретенным с читателем.

А для этого нужен шаг, вновь мысленно или наяву
коснуться природы, чтобы увидеть что-то новое, и только
свое, увидеть, замереть и осознать...

Литературно-художественное издание

Бочарников Владимир Николаевич

ВРЕМЯ ОХОТЫ

Научный редактор П.Г. Горовой

Художники: О. Г. Помыткина, А.Д. Сурначева.

Корректоры: Е.Б. Храмова, Г.В. Вяхирева.

Подписано в печать 07.09.16. Формат 60x90^{1/16}.

Усл. печ. л. 12,5. Тираж 300 экз.

Заказ № D07_0916_001

Издатель Мархотин Павел Юрьевич

Москва, Окружной проезд, д.16, офис 102

Тел.: (495) 665-28-54

www.ontoprint.ru

Отпечатано на собственной
полиграфической базе издателя